

На правах рукописи

ОМАРОВА Зайнаб Салмановна

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РАСУЛА ГАМЗАТОВА
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп — 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова»

Научный консультант: **Дибиров Ибрагим Ашрапудинович**, доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Биданок Марзият Мугдиновна**, доктор филологических наук, заместитель директора по науке ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева»;

Дьякова Татьяна Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории искусств ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского»;

Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института базовой подготовки ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Защита состоится «25» июня 2026 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.267.03 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д. А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, а также на сайте университета ссылка <https://www.adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/7706/>

Автореферат разослан « _____ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено комплексному исследованию языковой личности аварского поэта Р. Гамзатова как многоуровневой системы, эксплицируемой в его поэтическом дискурсе в рамках лингвокогнитивного, лингвокультурного и лингвопрагматического подходов.

Антропоцентрическая направленность современных исследований по лингвистике позволила сконцентрировать внимание на языковой личности, репрезентирующей весь потенциал единиц национального языка. Данный подход анализа особенно важен при изучении элитарных языковых личностей писателей, поэтов, которые служат образцом, эталоном трансляции языка, которые способны многопланово реализовывать его потенциал и служить стилеобразующим автором не только своей эпохи, но и задавать определенные тенденции в развитии языкового вкуса последующих поколений. Именно таким автором является известный поэт Р. Гамзатов, который писал на аварском языке.

Степень научной разработанности проблемы. Феномен языковой личности исследуется в рамках активно развиваемого направления лингвистической науки – лингвоперсонологии. Языковая личность, центральная категория антропоориентированной лингвистики, исследуется в рамках различных подходов – лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, дискурсологии (см. работы: Баишева, 2007; Богин, 1984; Карасик, 2004, 2014; Кочеткова, 1999, 1999; Нерознак, 1996; Ружицкий, 2015; Седых, 2005; Сиротинина, 1997; Тхорик, 2000; Шестак, 2003 и др.). Такой интерес обусловлен известным постулатом Ю.Н. Караулова, что за «каждым текстом стоит языковая личность» [Караулов, 2010: 19].

Как показывает анализ научных исследований последних десятилетий, внимание лингвистов привлекает изучение языковой личности писателя как творца литературно-художественного текста. Например, А.П. Седых в аспекте изучения этнокультурных особенностей языковой личности в когнитивно-коммуникативном аспекте проанализировал лексико-семантические и логико-синтаксические особенности французского узуса в контексте выявления когнитивно-коммуникативных признаков национальной языковой личности; установил, что языковая личность представляет собой точку пересечения этнокультурных кодов; определил методологический статус языковой личности писателя и роль художественного дискурса в формировании филологической культуры этноса [Седых, 2005]. В рамках исследования языковой личности Ф.М. Достоевского как символа русской национальной культуры И.В. Ружицкий предложил научную концепцию многопараметрового лексикографического представления языка писателя, реконструкции языковой личности Ф.М. Достоевского, отражающейся в авторском идиоглоссарии, тезаурусе и эйдосе [Ружицкий, 2015]. В диссертационном исследовании О.А. Головачевой представлены результаты исследования языковой личности Н.С. Лескова в публицистическом дискурсе в рамках анализа прагматико-стилистического потенциала слова в разных жанрах [Головачева, 2016]. Таким

образом, современные исследования в области лингвоперсонологии имеют многовекторную направленность, нацелены на расширение персоналий, которые являются объектом научных работ, в том числе и в области художественного дискурса.

В дагестановедении, как и в кавказоведении в целом, проблематика языковой личности писателя/поэта в литературно-художественном дискурсе до настоящего времени не получила должного освещения. Имеется ряд диссертационных исследований, в которых на материале поэтических текстов Р. Гамзатова проанализированы лексико-семантические и лингвокультурологические особенности сравнений как средств создания женского образа [Магомедова, 2016]; изучены жанровые особенности прозы Р. Гамзатова [Магомедова, 2010]. В статьях Ч.С. Юсуповой поднимаются проблемы, связанные с местом поэм в творчестве Р. Гамзатова 60-70 годов [Юсупова, 1986] и с парадигмой комического в поэзии Р. Гамзатова конца XX века [Юсупова, 2008].

Необходимо отметить, что литературные тексты Р. Гамзатова при всей их филологической и философской значимости и масштабности в лингвистическом аспекте изучены недостаточно, а языковая личность Р. Гамзатова еще не была объектом специального лингвистического изучения.

В настоящее время назрела острая необходимость исследования языковой личности Р. Гамзатова в плане изучения особенностей формирования как индивидуально-авторской, так и национальной (аварской) языковой картин мира, анализа языковых средств актуализации этноментального и индивидуально-авторского пространства его поэтического дискурса, а также определение специфики национально-культурной и авторской языковой образности.

Актуальность исследования языковой личности Р. Гамзатова в его поэтическом дискурсе определяется, во-первых, значимостью личности поэта Р. Гамзатова как для аварской и дагестанской национальной лингвокультуры, так и для общероссийской; во-вторых, важностью изучения языка поэта с позиций осмысления механизмов его взаимодействия с системой общенационального языка, позволяющим раскрыть соотношение индивидуально-авторской и коллективно-национальной языковой картин мира, т.к. «языковая личность писателя-творца существует не в вакууме, а в рамках национальной картины мира и может реализовать индивидуальные черты только на общем концептуальном фоне» [Катермина, 2016: 209]. Актуальным представляется анализ концептуальных доминант языковой картины мира поэтического дискурса Р. Гамзатова, которые являются ключевыми для формирования его индивидуально-авторской картины мира и проецируются через этнонациональное мировидение и индивидуально-образное мышление поэта.

В данный момент также есть потребность в создании словаря языка Р. Гамзатова. В связи с этим результаты нашего исследования представляют интерес и в этом плане, так как при решении ряда поставленных нами задач в

научный оборот вводится значительный по объему лексический материал, который может служить базой для создания «Словаря языка Р. Гамзатова».

Исследуемый в диссертации материал имеет значение для углубления теоретического осмысления взаимосвязи языка, культуры, познания и творческой индивидуальности, для интерпретации многокомпонентной проблемы «язык – культура – этнос – языковая символика – менталитет народа – ментальность автора». Все это свидетельствует об актуальности поднимаемых в диссертации проблем реконструкции языковой личности Р. Гамзатова в его поэтическом дискурсе и лингвистическом осмыслении фактического материала.

Объектом исследования диссертации является языковая личность Расула Гамзатова, реконструированная в его поэтическом дискурсе на аварском языке.

Предметом исследования являются лингвокогнитивные, лингвокультурные и лингвопрагматические параметры реализации языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе.

Материал для исследования был извлечен из сборников поэтических произведений Р. Гамзатова «Последняя цена. Поэмы и стихи» (1975), «Избранное: в 2 томах» (1983), «Четки лет. Лирика» (1986), «О бурных днях Кавказа» (1989); из собраний сочинений Р. Гамзатова Т. 1-8 (1987), Т. 1-10 (1991-2005), а также из «Словаря устойчивых словосочетаний языка поэзии Расула Гамзатова» [Магомедханов, 2013] и книги «Неизвестный Р. Гамзатов» [сост. Дибиров, 2009].

Гипотеза исследования. Языковая личность Р. Гамзатова актуализируется в поэтическом дискурсе как многоуровневая система на лингвокогнитивном, лингвокультурном и лингвопрагматическом уровнях, взаимовлияние которых детерминирует уникальность его поэтического идиостиля. Реконструкция языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе выявляет лингвистические механизмы аккумуляции и трансляции общенациональной аварской и индивидуально-авторской картин мира.

Цель диссертации заключается в комплексном исследовании и реконструкции языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе.

Задачи диссертации определяются поставленной целью и сводятся к следующим действиям:

1) разработать теоретико-методологическую базу исследования на основе теории языковой личности, лингвокультурологии, теории концептов, лингвопоэтики и стилистики;

2) построить целостную модель языковой личности Р. Гамзатова, отражающую системную взаимосвязь языковых средств, когнитивных структур, прагматических установок, культурных символов в его поэтическом дискурсе;

3) систематизировать лексико-грамматические, фразеологические и образно-выразительные средства в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова, формирующие идиостиль поэта;

4) выявить характерные для языковой личности Р. Гамзатова образно-выразительные средства, определить их функции в проекции авторского мировосприятия и мировидения в его поэтическом дискурсе;

5) проанализировать морфолого-синтаксические особенности поэтического дискурса Р. Гамзатова и определить их роль в формировании индивидуально-авторского стиля поэта;

6) охарактеризовать средства актуализации денотативного значения единиц языка и механизмы расширения их коннотативного содержания в поэтических текстах как лингвопрагматический аспект реализации языковой личности Р. Гамзатова;

7) установить возможные интерференции фольклорного и художественного текста, влияние устного народного творчества, его лексико-грамматических ресурсов на идиостиль Р. Гамзатова;

8) выделить концептуальные доминанты языковой картины мира поэтического дискурса Р. Гамзатова, определить их структуру, ценностные составляющие и лингвокультурную специфику языковой репрезентации;

9) определить семантические поля ключевых концептов в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова таких, как «Ват1ан» (Родина), «Гъансито» (родной очаг), «Г1умру» (жизнь), «Хвел» (смерть), «Бихьинчи» (мужчина), «Рокьы» (любовь), «Ч1ужуг1адан» (женщина), «Гъари» (просьба-мольба), «Рагъ» (война) как маркеров авторского мировидения;

10) выявить системообразующие закономерности взаимодействием лингвокогнитивного, лингвокультурного и прагматического аспектов формирования поэтического дискурса Р. Гамзатова;

11) описать индивидуально-авторскую картину мира Р. Гамзатова, соотнести ее с языковой и концептуальной картинами мира аварцев, выявляя универсальные и индивидуальные особенности вербализации.

Методы исследования определяются разноаспектным анализом поэтических текстов. При реализации поставленных задач использованы следующие методы: а) **описательный** для описания различных лексических, морфологических, синтаксических средств, используемых в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова; б) **сопоставительный** для соотносительной характеристики языковых средств, используемых в разных жанрах поэтических текстов; в) **метод компонентного и контекстуального анализа** единиц языка при определении значения ключевых для авторского стиля слов и сочетаний, а также дескрипции ценностных доминант языковой личности Р. Гамзатова; г) **методы и приемы лингвокультурологии** для анализа поэтических текстов, выявления и описания концептуально значимой языковой символики и национально-культурных компонентов языковых поэтических средств, обоснования внутренних образов разноуровневых средств, соотносительных с различными кодами культуры; д) **методы концептуального анализа** для описания смысловых миров ядерных концептов.

Теоретико-методологической основой исследования послужили концепции и научные положения, изложенные в трудах *по теории языковой*

личности (Г.И. Богин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Н.Д. Голев, В.Е. Гольдин, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Т.В. Кочеткова, В. П. Нерознак, С.В. Оленев, И.В. Ружицкий, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина, Т.А. Трипольская и др.); *по исследованию языковой картины мира, лингвокультурологии* (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, З.Х. Бижева, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, В.В. Виноградов, С.Г. Воркачев, В.Г. Гак, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Е.В. Падучева, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Л.О. Чернейко и др.); *по исследованию художественного и поэтического текста* (Н.Д. Арутюнова, С.Х. Анчек, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Т.А. Дьякова, Л.В. Карасёв, В.В. Катермина, А.Ф. Лосев, Л.О. Чернейко, Л.Н. Чурилина и др.); *по исследованию языка северокавказских писателей* (Х.М. Алиевой, Б.Ч. Бижоева, И.А. Дибиров, А.З. Кадымова, З.С. Карамурзовой, М.М. Картоевой, С.М. Магомедовой, Х.И. Магомедовой, Ф.И. Отаровой, Дж.Х. Шугушевой, Ч.С. Юсуповой и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Реконструкция языковой личности Р. Гамзатова, осуществляемая через анализ лингвокогнитивных, лингвокультурных и лингвопрагматических проявлений в его поэтическом дискурсе, позволяет построить целостную модель языковой личности автора. Данная модель репрезентирует динамическую систему взаимодействия индивидуально-авторской и этнонациональной (аварской) языковых картин мира.

2. Ментальная индивидуальность языковой личности Р. Гамзатова проявляется в системном отборе и креативном использовании языковых ресурсов аварского языка всех уровней, отражающих индивидуально-авторскую языковую картину мира в поэтическом дискурсе.

3. Для языковой личности Р. Гамзатова характерно когнитивное осваивание и расширение аварской национально-культурной языковой картины мира, что реализуется системой авторской языковой образности в поэтическом дискурсе.

4. Авторская система образно-выразительных средств Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе формирует его идиостиль, детерминируя уникальность языковой личности, которая характеризуется взаимовлиянием аварского национального культурного кода и языкового сознания автора.

5. Морфолого-синтаксические особенности поэтического дискурса Р. Гамзатова, представленные специфическими глагольными формами, синтаксическими повторами, инверсиями, сравнительными конструкциями, являются конститутивными элементами процессов реализации авторской интенции и формирования дискурсивных особенностей поэтического текста.

6. Поэтический дискурс Р. Гамзатова характеризуется использованием особых эксплицитных и имплицитных синтаксических приемов создания юмора и иронии. Авторские ресурсы отличаются как набором лексических единиц, так и их валентностью, комбинаторность которых на основе языковой игры контекстно моделируется в сарказм.

7. Лингвопрагматический аспект реализации языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе проявляется в системном использовании механизмов актуализации денотативного значения языковых единиц и расширении их коннотативного содержания, направленных на выражение авторских оценок, эмоций, ценностных установок и достижение коммуникативного воздействия.

8. Языковая личность Р. Гамзатова характеризуется продуктивной интерференцией фольклорного и художественного дискурсов, проявляющейся в активной ассимиляции и трансформации лексико-грамматических ресурсов аварского устного народного творчества, их адаптации к задачам индивидуально-авторского выражения и обогащении литературного аварского языка.

9. Концептуальными доминантами языковой картины мира поэтического дискурса Р. Гамзатова выступают универсальные экзистенциальные, социокультурные и духовно-нравственные категории, ценностные составляющие которых обладают выраженной лингвокультурной спецификой и репрезентируются через уникальные средства аварского языка.

10. Семантические поля ключевых концептов «Ватлан» (Родина), «Гъансито» (родной очаг), «Глумру» (жизнь), «Хвел» (смерть), «Бихьинчи» (мужчина), «Рокьи» (любовь), «Члужугладан» (женщина), «Гъари» (просьба-мольба), «Рагъ» (война) структурированы вокруг ядерных значений, отражающих этнокультурные архетипы аварской лингвокультуры и специфику этнического самосознания аварского этноса, а периферийные ассоциативно-образные слои данных концептов отражают языковые особенности образно-поэтического мышления Р. Гамзатова и его уникальный идиостиль.

11. Языковая личность Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе представляет собой сложную, многоуровневую структуру, образованную индивидуальной языковой компетенцией, мастерским владением литературным аварским языком, влиянием фольклорного дискурса, уникальным опытом трансформации и интерференции устойчивых сочетаний, которыми богата устная речь, а также языковой креативностью автора.

Новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- 1) впервые представлено комплексное исследование языковой личности Р. Гамзатова через системный анализ лингвокогнитивных, лингвокультурных и лингвопрагматических параметров реализации в его поэтическом дискурсе;
- 2) построена целостная модель языковой личности Р. Гамзатова, отражающая динамическую систему взаимодействия индивидуально-авторской и этнонациональной (аварской) языковых картин мира в его поэтическом дискурсе;
- 3) впервые систематизирован корпус лексико-грамматических, фразеологических и образно-выразительных средств, репрезентирующих вербально-семантический уровень языковой личности Р. Гамзатова и установлена их роль в формировании уникального идиостиля автора;
- 4) дано системное описание лексических единиц аварского языка с точки зрения проекции денотативного, сигнификативного значения, определены элементы

лексикона автора, которые имеют тенденцию к приобретению коннотативного смысла. Данный материал может быть использован для составления Словаря языка Р. Гамзатова; 5) установлен характер и глубина фольклорной интерференции на лексико-грамматическом и концептуально-образном уровнях в авторском поэтическом дискурсе; 6) выявлены и описаны концептуальные доминанты языковой картины мира поэтического дискурса Р. Гамзатова, определены ценностные составляющие и специфика языковой репрезентации ключевых концептов; 7) доказана системность взаимодействия всех уровней реализации языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе, которая проявляется во взаимосвязи языковых средств, когнитивных структур, прагматических установок и культурных символов.

Теоретическая значимость. Разработана комплексная теоретико-методологическая модель исследования поэтической языковой личности, синтезирующая базовые принципы лингвоперсонологии, когнитивной лингвистики, лингвопоэтики, стилистики художественной речи, что обеспечило системность и многоаспектность анализа языковой личности Р. Гамзатова. Разработан интегративный подход к описанию модели языковой личности Р. Гамзатова на основе анализа системообразующих закономерностей взаимодействия лексико-грамматических, образно-выразительных средств, этнокультурных кодов и когнитивных доминант в его поэтическом дискурсе.

Положения диссертационной работы имеют теоретическое значение для дальнейшего развития аварского языкознания, а именно при изучении особенностей формирования национальной аварской и индивидуально-авторской языковых картин мира, проблем взаимосвязи и взаимодействия художественного, в частности поэтического, дискурса и фольклора.

Практическая ценность работы заключается в возможности применения результатов исследования в разработке вузовских спецкурсов по теории языковой личности, лингвопоэтике, в преподавании теории и практики аварского языка, стилистики аварского языка, лексикологии аварского языка, спецсеминаров по лингвистическому анализу художественных или поэтических текстов как на аварском, так и на других национальных языках. Результаты исследования и интерпретация переводов поэтических текстов Р. Гамзатова на русский язык могут быть использованы в практике перевода поэтических произведений Р. Гамзатова не только на русский язык, но и на другие языки с учетом языковой символики и авторских художественных приемов. Кроме того, результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, найдут применение при составлении учебников и учебных пособий по аварскому языку для вузов и общеобразовательных школ.

Апробация работы. Результаты проведенного исследования докладывались на следующих международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях: Всероссийская научная конференция «Проблема жанра в филологии Дагестана» (Махачкала, 2016 г., 2017 г., 2019 г.), Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения кавказских языков» (Махачкала, 2017 г.),

Четвертые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Р.М. Магомедова (Махачкала, 2017 г.), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Родные языки: проблемы и перспективы развития» (Махачкала, 2017 г., 2022 г.), Всероссийская научная конференция «Гамзатовские чтения – 2018» (Махачкала, 4-5 сентября 2018 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Русско-кавказские литературно-языковые взаимосвязи в контексте современной культуры», посвященная 150-летию со дня рождения С. Стальского (Махачкала, 21 мая 2019 г.), Международная научная конференция «Языки и культуры народов России и Мира» (Махачкала, 19-21 сентября 2019 г.), Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Языки коренных народов Кавказа – важный фактор устойчивого развития, построения мира и примирения» (Кизляр, 2019г.), Региональная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения родных языков и литератур» (Махачкала, 2019 г.), Всероссийская конференция «Актуальные проблемы филологии народов РФ», посвященная 90-летию со дня рождения Ахмедхана Абу-Бакара (Махачкала, 14 октября 2021г.), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 100-летию Расула Гамзатова (Махачкала, 2023 г.), Дешериевские чтения – международная научная конференция (Грозный, 2024 г.), а также на итоговых научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава Дагестанского государственного педагогического университета (2016 – 2025 гг.).

Основное содержание работы отражено в 40 публикациях, в том числе в 18 публикациях в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, в котором приводятся квалификационные характеристики работы, четырех глав, заключения, списков использованной литературы и условных сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и описывается степень разработанности темы, определяется теоретическая основа исследования, излагаются цель и задачи, решаемые в диссертационном исследовании, определяются его объект, предмет, материал, методы и приемы, раскрываются теоретическая значимость, научная новизна и практическая ценность, излагаются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации промежуточных и конечных результатов исследования.

В **Главе 1. Теоретические основы исследования языковой личности Расула Гамзатова в современной лингвистике** рассматривается термин «языковая личность», как ключевое понятие лингвоперсонологии, проводится

анализ аспектов исследования языковой личности авторов северокавказских литератур.

Лингвистическая персонология, или лингвоперсонология, подвергается тщательному анализу языковую личность как носителя языковой способности, обладающего социо- и психолингвистическими параметрами, характеризующегося особенностями коммуникативного поведения.

Под языковой личностью рассматривается носитель языка, способный к речевой деятельности, то есть это комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу личность речевая.

В связи с описанием языковой личности писателя актуально использовать понятие «элитарная личность», которое включает не только владение ресурсами литературного языка, но и умение креативно комбинировать их, создавая свой идиостиль, проецируя авторское мировидение, определенным образом воздействовать на читателя, формировать картину мира.

Характеристики языковой личности проводятся по разным параметрам, с учетом таких аспектов, как дискурс, ситуация коммуникации, психолингвистические, социальные, педагогические, прагматические, когнитивные и ценностные установки.

Многополярность исследований языковой личности подчеркивается терминологическим разнообразием используемых единиц для их презентации: коммуникативная личность, дискурсивная личность, жанровая личность, литературная личность, поэтическая личность и др.

При изучении языковой личности в рамках художественного текста выделено два подхода: от текста, его языковой организации к характеристике личности автора и от описания типологических характеристик автора к демонстрации языковых особенностей. В научных исследованиях более представленным признается текстовая лингвоперсонология, в ее рамках исследователь движется от текста к воплощенной в нем языковой личности (типе языковой личности).

Принципиально важным направлением исследования языковой личности автора художественного текста может быть лингвокультурологический и когнитивный ракурсы анализа, транслирующие культурные смыслы.

Картина мира писателя напрямую связана с его опытом познания, мировоззренческими позициями, творческим восприятием действительности. В связи с этим рассматривается понятие «художественная картина мира», которая заключается в конструировании картины мира из субъективных личностных оценок художника. Описание картины мира писателя, безусловно, должно строиться на текстовом анализе тех единиц языка, которые имеются в арсенале автора с учетом семантических вариантов или сдвигов, которые могут иметь место в авторском употреблении.

В анализе языка поэтического дискурса Р. Гамзатова особое место занимают описания национальных и индивидуальных образов и символов, свойственных его авторскому стилю и репрезентирующих картину мира,

особенно выделяется образ женщины как отражение индивидуальной ценностной категории. Особой значимостью обладают некоторые лексико-грамматические свойства текстов, роль слов разных частей речи в текстовом построении, а также устойчивые высказывания, включаемые в текст с разными авторскими интенциями.

Важной проблемой исследования языка Р. Гамзатова признается адекватность текстов и переводов, т.к. в некоторых случаях переводы носят свободный характер, применяются неэквивалентные единицы. Наличие лексической трансформации в переводе подтверждает наше мнение о необходимости изучения языковой личности исключительно через оригинальный текст в целях достижения научной точности исследования.

В структуру языковой личности писателя В.В. Виноградов включает следующие параметры: 1) структуру естественного языка («внешние грамматические формы языка»); 2) языковую коллективную практику («формы коллективных субъектов»); 3) индивидуальную картину мира («особенности словесного мышления») [Виноградов 1971].

Одним из основоположников теории языковой личности считается Г.И. Богин, предложивший модель языковой личности, опираясь на лингводидактику. По его мнению, понятие «языковая личность» носит междисциплинарный характер, т.к. в данном термине содержатся «как философские, так и социологические и психологические взгляды на социальную важность совокупности физических и духовных свойств человека, которые образуют его качественную определенность» [Богин 1986: 3].

Вместе с тем научное обоснование данного термина и широкое введение понятия в научный лингвистический оборот принадлежит Ю.Н. Караулову, после которого данный термин был подхвачен языковедами. В понимании автора «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987: 3]. В рамках концепции языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, его мировоззрением. Поэтому структуру языковой личности автор делит на три взаимосвязанных уровня: 1) нулевой, или вербально-семантический (лексико-грамматический); 2) первый, или лингвокогнитивный; 3) второй, или мотивационный [Караулов 2004: 37].

В современных исследованиях разрабатываются различные вопросы лингвоперсонологии, среди которых следует отметить многовекторное изучение самого понятия «языковая личность», его определение, а также разработка разных трактовок термина. Важной частью для исследования служит понимание языковой личности как конкретного носителя языка, способного понимать, воспроизводить и создавать тексты, это личность, охарактеризованная на основе анализа произведенных ею текстов с точки зрения использования в них системных средств языка для отражения видения ею окружающей действительности (Ю.Н. Караулов, В.В. Воробьев) [Склярова 2020].

Т.Г. Винокур определяет языковую личность как средоточие когнитивно-коммуникативных потенций, материализующихся на широком фоне социально окрашенной действительности, которая дает место проявлению психологических свойств и устремлений человека [Винокур 1993].

В исследованиях В.И. Карасика предлагается другой термин – «дискурсивная персонология», позволяющий ему разграничить «одномерный и многомерный, сценарный и несценарный, игровой и серьезный, этикетный и агональный, артистический и неартистический, аргументативный и неаргументативный типы дискурсивных субъектов» [Карасик 2007].

В характеристике языковой личности В.И. Карасик считает также нужным определить его речевой паспорт и языковой идиостиль. Под речевым паспортом понимается «совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают эту личность уникальной (или, по меньшей мере, узнаваемой)» [Карасик 2004: 10]. Идиостиль человека (если терминологически противопоставить его речевому паспорту) можно было бы трактовать как выбор говорящим тех или иных средств общения, поскольку стиль предполагает выбор [Кремшокалова 2015]. Речевой портрет – это аспект коммуникативного поведения, а идиостиль – аспект коммуникативной компетенции [Карасик 2004:10]. Языковая личность в условиях общения, по мнению В.И. Карасика, может рассматриваться как коммуникативная личность [там же: 22].

В концепции В.В. Красных представлена триада: 1) языковая личность – это личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений; 2) речевая личность – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, использующая тот или иной репертуар средств; 3) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [Красных 2003: 51].

По мнению Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина, языковое поведение – это часть коммуникативного поведения, т.е. они не только взаимосвязаны, но и тождественны друг другу. «Коммуникативное поведение предпочтительнее как термин, поскольку коммуникативный аспект общения шире речевого, он поглощает речевой, включает речевой аспект общения как свою составную часть, но далеко не исчерпывается им» [Прохоров, Стернин 2006: 23].

В последние годы в лингвистических исследованиях наряду с термином «коммуникативная личность» вводится (вслед за В.И. Карасиком) понятие «дискурсивная личность». По утверждению С.Н. Плотниковой, «дискурсивная личность представляет собой языковую личность, порождающую определенный дискурс в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения. Эта личность действует в сфере производства сообщений и несет ответственность за их содержание» [Плотникова, 2008:3].

Немаловажным аспектом изучения представляется взгляд на дискурсивную личность как субъект социальной интеракции, являющийся носителем реального жизненного и языкового опыта [Синельникова, 2013:44]. Предлагается также рассматривать дискурсивную личность как концепт, который может описываться через средства репрезентации языкового сознания в языковом поведении.

В диссертационной работе М.Ч. Кремшокаловой вводится понятие «жанровая личность» для наиболее полного осмысления личности коммуникатора (реализатора или транслятора жанра), а также для характеристики когнитивно-дискурсивных особенностей речевого поведения [Кремшокалова 2015: 116].

Существенным фактором портретирования жанровой личности служит «уровень «погружения» данной языковой личности в концептосферу родного языка как «текущую, открытую и непрерывную» систему концептов и языковых единиц, их реализующих» [Алефиренко 2007:148].

Важнейшим вопросом современной лингвоперсонологии можно вычленивать выбор подхода к изучению языковой личности. Анализ научной литературы по теории языковой личности позволяет выделить из многообразия подходов к ее рассмотрению, имеющих в основе общие принципы, несколько наиболее часто применяемых – лингвокогнитивный, лингвокультурологический, лингводидактический. Представленные в современной лингвистике подходы и типы языковых личностей могут быть дополнены анализом «человека в языке с позиции того или иного дискурса, в котором человек участвует. Такой подход по сути своей является прагмалингвистическим...» [Карасик 2007: 79].

Сконцентрирование внимания лингвистов на модели автора как носителя и выразителя определенного знания больше всего связано с когнитивной лингвистикой, которая рассматривает автора как сложный конструкт с множественной моделью в качестве определяющего признака.

Исследователями отмечается широкий диапазон вариативности языковых личностей.

Выстраивая возможность полного описания языковой личности в целях ее анализа или синтеза, Ю.Н. Караулов предлагает следующий ряд действий: а) характеристика семантико-строевого уровня ее организации (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя); б) реконструкция языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся свое отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов [Караулов 2010: 43].

Многие проблемы изучения языковой личности и их классификации, типологии остаются пока что открытыми и требуют глубокого и системного изучения с учетом разных факторов, влияющих на их описание.

Типологические исследования в направлении от «типа личности» к «языковой личности» опираются на известные ментально-психологические типологии личности. В подобных исследованиях утверждается, что речевые характеристики включены в ряд ментальных и психологических признаков и с их помощью стремятся подтвердить правомерность исходных типологий. Особенно популярны в данной отрасли психологического знания исследования речевых характеристик персонажей художественных произведений [Бажухин 1998; Бережная 2003; Блашко 2003; 2005; Прохорова 1995; 1996; Сопрунова 2005]. Это вполне объяснимый интерес: авторы многих произведений создают системы образов, отражающих контрастные ментально-психологические типы личности [Лингвоперсонология 2009: 22]. Следует отметить, что «художественный текст является адекватной моделью для трансляции жизненных ситуаций и речевых реализаций» [Хачмафова 2011: 12].

В своих лингвориторических изысканиях А.А. Ворожбитова отмечает, что языковая личность «применительно к сфере литературно-художественной коммуникации приобретает статус литературной личности» [Ворожбитова 2007: 26]. По ее мнению, теория языковой личности открывает широкие возможности для изучения всех аспектов филологической феноменологии и ее психолингвистической основы.

«Сложность изучения языковой личности автора состоит в том, что писатель выступает в своих произведениях не как единая целостная языковая личность, а как множество говорящих и понимающих личностей» [Катермина 2016: 208].

Описание картины мира писателя, безусловно, должно строиться на текстовом анализе тех единиц языка, которые имеются в арсенале автора с учетом семантических вариантов или сдвигов, которые могут иметь место в авторском употреблении. Во многом при изучении ментального пространства автора в поле зрения исследователя оказываются разноуровневые единицы, так как именно комплексность подхода позволяет создать целостную картину мира писателя [Ахиджакова 2007].

Наряду с понятием «языковая картина мира писателя», используют термин «индивидуально-авторская картина мира», а также применяют понятия «авторская картина мира», «поэтическая языковая картина мира» (К.Ю. Головач, К.Э. Касымалиева, Е.Г. Доронина, А.Г. Бондарева, Г.В. Соболева).

В связи с социальными факторами в характеристике языковой личности интересна попытка Л.М. Комиссаровой применить лингвосоциологическую методику к образу автора-поэта, проявленного в его стихотворных произведениях [Комиссарова 2006: 91].

Интересные взгляды на языковую личность представил К.Ф. Седов. Согласно его мнению, одной из наиболее удачных попыток дифференциации

языковых личностей по способу реализации дискурсивной деятельности, существующих в современной лингвистике, – разделение носителей языка по типам речевых культур [См.: Гольдин, Сиротинина 1993, 1997; Сиротинина 1995, 1998; Толстой 1995].

Применительно к русской культуре ученые [Гольдин, Сиротинина 1993] выделяют разновидности речевого поведения, ориентированные на использование литературного языка (*элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный*), и типы, находящиеся за его пределами (*народно-речевой, просторечный и арготический*). Соответственно, языковые личности классифицируются по наличию у них того или иного типа речевой культуры [Седов 1999].

Дискурс элиты причисляется к дискурсу объекта, т.е. дискурсу определенной социальной группы, в которую входят элитарные личности, принадлежащие к различным социальным институтам [Островская 2016].

Современные теории персонологии позволяют нам рассматривать автора художественных произведений как уникальную, креативную, элитарную языковую личность.

В кавказоведении в исследованиях авторской индивидуальности чаще всего обращаются к поэтическому дискурсу, поскольку анализ текстов включает более расширенный спектр представленности языкового потенциала автора, так как в северокавказской литературе поэзия имеет более широкую представленность.

В поэтическом дискурсе важным для любого автора является особая организация текста, применение определенных ресурсов языка (фонетических, словообразовательных, лексических, фразеологических синтаксических) «в единстве своем создающим целостную художественную картину поэзии» [Хавжокова 2011: 13].

Редко в литературоведении обращается внимание на роль морфолого-синтаксических ресурсов в репрезентации авторского мировидения.

При анализе стилистических особенностей авторской индивидуальности подчеркивается влияние национальных фольклорных образов, включаемых в произведение, благодаря которым воссоздается национальный мир [Картеева 1999]. Художественно достоверно раскрыты этнопсихологические черты народа, прослежены закономерности формирования и развития особенности национального характера [Ибрагимов 2011].

В кавказоведении, в частности в дагестанском языкознании, не было исследований, ориентированных на изучение лингвоперсонологии, не выработаны методы анализа персоналий художественного дискурса, т.е. не сформирована методологическая база для изучения языковой личности национального писателя. Теоретические истоки данной диссертации ориентированы на работы российских ученых, которые заложили базу современного научного направления – лингвоперсонологии.

Вместе с тем филологическая наука имеет широкую представленность выдающихся писателей Северного Кавказа, чьи произведения были изучены с

позиций литературоведения. В них можем найти определенные концепции, которые представляют научный интерес, так как некоторые идеи анализа текста выводят на лингвистические аспекты изучения произведений, определяют специфику анализа языка автора. Большая часть подобных работ написана в виде диссертаций, и в данной главе представлен обзор значимых, на наш взгляд, с точки зрения наличия языковедческого анализа исследований.

Филологические исследования текстов Р. Гамзатова дают определенные ракурсы анализа языковой личности: связь с фольклорными традициями, наличие общекультурных и индивидуальных образов, служащих знаками-символами в его поэтическом дискурсе, выявляют характерные элементы авторской картины мира и языковой наполненности текстов, которые актуализируются в переводе.

В Главе 2. Система образно-выразительных средств поэтического дискурса Расула Гамзатова анализируются образно-выразительные средства в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова.

В трансляции особенностей языковой личности Р. Гамзатова участвуют эпитеты-прилагательные в прямых и переносных значениях, с помощью которых создаются словесные образы национально-культурного, индивидуально-авторского и символического характера. Например, ср. *берцинал руччаби* «красивые женщины», *гIурдал тIегь* «луговой цветок» (генитивная форма субстантива использована в функции относительного прилагательного), *кенчIолел берал* «сверкающие глаза»; *гьалдолеб ракI* «кипящее сердце», *хинаб балагьи* «теплый взгляд» и др.

Использование метафорических эпитетов-прилагательных приводит к усилению национально-культурных и авторских коннотаций. Представляют интерес случаи семантической несовместимости эпитетов и определяемых ими слов, носящих индивидуально-авторский характер. Например, *гьуинал сардал* «сладкие ночи», *хинаб балагьи* «теплый взгляд», *гьалдолеб ракI* «страстное/горячее (букв. «кипящее») сердце», *халатал къасдал* «длинные мечты», *лъалиниб къижсараб хвалчен* «спящий в ножнах кинжал» и т.д.

В отдельных случаях метафора и метонимия сливаются, образуя определительный компонент синкретичной семантики: *гIурччинаб их* «зеленая весна» (ср. *гIурччинаб хер* «зеленая трава»).

Определительные компоненты в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова выполняют разные семантико-стилистические функции. Прежде всего они употребляются для актуализации внешнего облика и внутренних качеств человека, для обозначения их различных физических и эмоциональных состояний и т.д. Такие определительные компоненты имеют антропоцентрический характер (соотносятся с антропным кодом культуры), определяют человека с разных сторон, поэтому определяемые компоненты (существительные) в семантическом плане достаточно разнообразны и обозначают части тела, возраст, черты характера, поведение, родственные отношения, эмоциональное состояние и т.д.:

тIинчIаб берцинлги «юная красота», *гьерсилаб релги* «лживый смех», *некIсиял гьудулзаби* «старые друзья», *хирияй эбел* «дорогая мать», *херай якьад* «старая теща», *цересел гьудулзаби* «прежние друзья», *гьудулалъул кенчIолел берал* «сверкающие глаза подруги», *канлги кенчIолел гьумер* «светом сияющее лицо», *хъахIлъарав херав* «поседевший (букв. «побелевший») старик», *берцинаб гьумер* «красивое лицо» и другие.

В идиостиле Р. Гамзатова особый интерес представляют гиперболы, создаваемые посредством числовых обозначений. В таких фрагментах (особенно в любовной лирике) используется местоименная оппозиция *мун* – *дун* – «ты» – «я», позволяющая автору возвеличивать женщину и ее красоту, актуализировать ее достоинство и благородство. Для ряда гипербол, выполняющих эмоционально-усилительные функции, характерны фольклорные смыслы.

Автор эксплицирует народно-поэтические смыслы, свойственные текстам аварских народных песен, в которых также используются языковые средства гиперболизации:

<i>Дир духъ бергъараб гIишкъу</i>	Моя любовь сильная к тебе,
<i>ГIурдаде бортун хадуб,</i>	Если бы на луг упала,
<i>ГIурччинлги бухIилаан,</i>	Вся трава бы сгорела
<i>Дагъистаналда тIолго.</i>	По всему Дагестану.

(Из восьмистиший)

В репрезентации языковой личности Р. Гамзатова особая роль принадлежит субстантивным метафорам, которые в основном строятся по двум моделям – генитивной и номинативной. Метафора нередко поддерживается словами, обозначающими эстетически значимые реалии действительности, в связи с чем для части метафор характерна символика.

Номинативная модель имеет идентифицирующий характер, что свойственно текстам аварского фольклора. Субстантивные метафорические образы экспрессивно-оценочного характера причинно обосновываются и поддерживаются лексико-синтаксическими средствами. Достаточно образно вербализуются чувства поэта к красивой женщине, которая полностью его покорила и от любви, от которой нет спасения: для этого используется метафора *дун дур колония* «я твоя колония» (обычно негативно в коннотативном плане оцениваемое слово *колония* в данном тексте получает другую, позитивную, стилистическую окраску):

<i>Дун дур колония, кида дуца дий</i>	Я твоя колония, когда же ты мне
<i>Бацадаб ихтияр, эркенлги къелеб?</i>	Половину свободы подарить?

Автор любимую женщину ассоциативно отождествляет с символически значимыми реалиями: ср. *дир цIва* «моя звезда», *дир моцI* «моя луна», *дир бакъ* «мое солнце», *дир гьветI* «мое дерево», *дир тIегь* «мой цветок», *дир байрам-къо* «мой праздник», *дир кечI* «моя песня», *дир рокъул берал* «глаза моей любви», *дир рокъул матIу* «зеркало моей любви», *дир рекIел музыка* «музыка моего сердца» и т.д.

Усилительную роль при метафорах играют и различного рода повторы.

Например,

Дир сонал, сонал, сонал, Мои года, года, года –
Дир рокьул кучлдул, дир рокьул саринал. Мои стихи о любви, мои песни о любви.

В текстах эпиграмм часты зооморфные метафоры, которые, наряду со сравнениями, ФЕ и повторами, выступают в качестве средств негативной оценки человека. Например, для репрезентации бездарности, пустых стихов используется зооморфная метафора, соотносительная с зооморфным кодом культуры: *къадкил чличли* «чириканые воробья» – в тексте эпиграммы в адрес поэта, назвавшего свой сборник стихов «*Къвеклаб цлум*» – «Отважный орел»:

<i>Чанги кучлдул руклана</i>	Сколько было стихов
<i>Къвеклал цлумадул рахъаль.</i>	Об отважных орлах,
<i>Гъадиаб къадкил чличли</i>	Такого чириканыя воробья
<i>Киданиги рагличло.</i>	Никогда не слышал.

На основе метафор-олицетворений строится прием персонификации отвлеченных понятий и природных явлений, с которыми автор вступает в диалог, чем объясняется употребление глаголов речи, приписывающих человеческие способности говорить и мыслить природным явлениям. Часто в такой функции реализуются императивные формы глаголов со значением просьбы, формирующие антропоцентрическое культурно-семантическое пространство. Так, в качестве средства персонификации употребляются глаголы речи (говорения): *клалъазе* «говорить, разговаривать», *гаргардизе* «говорить, общаться», *бицине* «сказать», *гъаризе* «просить», *гъикъизе* «спросить», *семизе* «упрекать, ругать», *абизе* «сказать», *цлехезе* «спрашивать», *гъардезе* «просить», *къацандизе* «спорить», *гъедаризе* «клясться» и др.

Такие глаголы образуют антропоцентрическое культурно-семантическое пространство, функционируют в качестве средств создания образности и выполняют эмоциональную функцию. Субъектами говорения выступают слова типа *рогъел* «утро», *тлугьдузул квацли* «букет цветов», *берзул къатлра* «слезинка глаза», *расал* «волосы», *сонал* «годы (прожитые)», *бакъ* «солнце», *моцл* «звезда» и т.д.

Гъедин бачлун рогъел, рагъун гордогун, Так приходит **утро**, открыв окно,
Гаргадула дунгун щибаб нухалда. И каждый раз **говорит со мною.**

Персонифицируются слова, соотносительные с разными кодами культуры, но в качестве ядерных выступают природный код культуры (в текстах любовной лирики) и темпоральный код культуры (в текстах философской лирики).

Такие примеры персонификации встречаются в текстах элегий, сонетов, восьмистишиях и в других текстах Гамзатова. Например,

Дун тлураниги, цлад дида къочана. Хоть я и убежал, **дождь** меня **поцеловал.**

В трансляции авторской языковой личности особую роль играют сравнения, в составе которых нередко используются символические слова,

соотносящиеся с разными кодами культуры, имеющие специфику гендерной интерпретации.

Во многих бессюжных сравнениях национально-культурный и индивидуально-авторский характер создается употреблением слов, ставших в сознании носителей языка культурно значимыми символами: *цлорораб ханжар* «холодный кинжал», *рокьул имам* «имам любви», *муглрузул чан* «горная газель», *свараб гъансито* «погасший очаг», *члваби тлу-тлураб пандур* «пандур (национальный музыкальный инструмент) с оборванными струнами» и т.д.

Сравнения с фитоморфной метафорой чаще применяются для характеристики женщин. В большинстве случаев такие сравнения, в которых употребляются культурно-символические названия цветов и деревьев, характеризуют внешний облик женщин:

Лага бугей, черх бугей,   Стан красив, и тело твое красиво,
Чамасдакил гъвет1 гладай.   (Ты) подобна **дереву финиковому.**

В ряде текстов Гамзатова встречаются устойчивые сравнения с растительным кодом культуры, характерные для фразеологических единиц и текстов аварского устного народного творчества. Так, в следующем поэтическом тексте употреблена трансформированная фразеологическая единица, обозначающая что-либо небольшое по величине: *Къаг1рил бетлер гланасеб росу.* «Такое, как **голова ягненка** (маленькое), село».

В аварской фразеологии обычно используется образ, в легкой иронической форме отражающий идею небольшого села:

хламил бетлер гланасеб росу «такое, как голова осла (величиной с голову осла), село»: *Бихъулиц, муглрузда реклараб хламил бетлер гланасеб Бакъдаб росдал цлар эсесералдаго лъан буго Сайдулагъ сабаблъун* «Видишь, такой застрявший в горах небольшой аул, как Бакдаб, прославился на весь Союз, благодаря Сайдуле».

В сравнениях функционируют и семантически несовместимые сочетания образно-эмоционального, и экспрессивно-оценочного характера. Семантика сравнения может быть усилена путем употребления отрицательных и утвердительных форм глаголов, формирующих антитезу. В ряде примеров отрицаемый в сравнении компонент сопровождается отрицательным вспомогательным компонентом *гъеч1о* «нет, не есть», что приводит к образованию в компаративных структурах отрицательно-утвердительно-антонимической пары *гъеч1о-йиго/буго* «не есть – есть»:

Глолабго дунялалада   Во всем мире
Дида бихъараб, лъараб   То, что я увидел, узнал,
Глиц1го дур сурад буго,   (Это) только твой **портрет** (есть),
Цоги берцинлъи гъеч1о.   Другой **красоты нет.**

Отдельные компаративные национально-культурные структуры являются результатом редукции паремических единиц. Часть анализируемых сравнений носит устойчивый характер, который создается в трансформированном виде аварскими компаративными фразеологическими образами: *бадибе маглу гладын* «как слезы в глаза» (приходит (непрощенная)

любовь); *бусаде боржунѣб х1инч1 г1адин* «как (с радостью) летящая в гнездо птица (с пищей для птенцов).

В текстах надписей для языка Гамзатова характерно частое использование экспрессивно-оценочных языковых средств. Назидательным характером некоторых надписей объясняется частое употребление императива и констативной формы глагола, специфических для аварского и ряда других дагестанских языков, обозначающей вневременные действия и состояния. В надписях для актуализации положительного и деактуализации негативного в жизни человека включаются узуальные и контекстуальные антонимические противопоставления.

Наблюдается репрезентация узуальных и контекстуальных антонимических противопоставлений, отражающих положительное и отрицательное в реальной жизни, в объективной действительности: *пашманлъи хъамула – пашманлъи ах1ула* «грусть/печаль **отгоняет** – грусть/печаль **вызывает** (о пандуре), *гъекъаравги хола – гъекъеч1евги хола* «**выпивший** (его) умирает – **не выпивший** тоже умирает (о бокале), *гъаб угъдула ч1варахъги, ч1вач1ого рорч1арахъги* «он (кинжал) вздыхает по **убитым** и по **неубитым** тоже», *к1иго ч1ва буго гъалда, пашманабгин роххалил* «две струны на нем – **грусти и радости**» (надпись на пандуре), *гъаб гъекъон къочардула, гъаб гъекъон къацандула* «выпив его, **целуются**, выпив его, **ссорятся**» (надпись на роге-бокале).

Антонимические противопоставления встречаются и в других надписях: *рагъизе лъа, къазе лъа, вач1ине лъа, ине лъа* «**умей открывать, умей закрывать**, знай, как **приходить**, и знай, как **уходить**» (надпись на дверях); *салам къун, жанив лъугъа, баркала къун, къват1ив а* «с приветом **заходи**, с благодарностью **выходи**» (надпись на дверях) и др.

В отдельных надписях используются узуальные или же контекстуальные синонимы. Они выполняют функцию актуализации утверждения и его коннотативного усиления. Чаще в такой функции выступают глагольные лексемы и отглагольные субстантивы, создающие соответствующее семантическое пространство:

Ц1адакъа х1инкъуларо, Дождя **не боится**,
Бакъукъ къеруларо. От солнца **не прячется**. (Надпись на бурке)

Лексические повторы в поэтическом дискурсе выполняют различные семантико-стилистические функции и выступают в качестве семантически и стилистически значимых компонентов образно-эмоциональной основы идиостиля Р. Гамзатова. Повторы свидетельствуют об особенностях вербализации образно-ассоциативного и интеллектуально-оценочного осмысления всего того, что окружает автора в жизни – дружбы и предательства, любви и ненависти, добра и зла, морально-нравственных качеств человека и духовных ценностей и т.д.

Довольно продуктивны повторы существительных – одних и тех же или семантически сближенных в том или ином поэтическом тексте.

Бищунго бокъулеб мех, дищунго квешаб заман.

Самое любимое **время**, самое плохое **время**.

(«Дуца гьикъулеб буго» – «Ты спрашиваешь»)

Антонимическое противопоставление повторяющихся субстантивов приводит к актуализации одного жизненного понятия путем деактуализации другого:

Гьересидуй бак1 гьеч1о, Нет места **обману**,
Цо г1ишкъу, г1ишкъу, г1ишкъу. Одна **любовь, любовь, любовь**.

Представляет несомненный интерес, что утвердительное слово *буго* «есть, имеется» часто используется при повторах, оно усиливает категоричность утверждения, делает утверждение философски значимым, так как часто сопутствует словам-повторам, обозначающим не сменяющиеся, вечные реалии материального и духовного мира.

Повторы существительных могут сопровождаться повторами глагольных лексем, актуализирующих единое смысловое пространство, в котором представлено и хорошее, и плохое, что окружает автора и из чего всегда он выбирает как единственно важное чувство и состояние любовь (*рокъи, г1ишкъу*):

Дида лъана паиманлъи, Я познал **печаль**,
Лъана рокъи, лъана кеп. Познал **радость, познал удовольствие**.

Лексические повторы могут быть актуализированы и употреблены в контексте сравнений, усиливающих эмоционально-смысловое содержание повтора:

Улбул, улбул, улбул, релъларал руго, **Матери, матери, матери,** похожи
Ралъадал киниги, киса-кирего. Как моря, везде и всюду.
(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Глагольные повторы в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова выполняют различные семантико-стилистические функции. Повторяющимися могут быть как различные по семантической структуре глаголы, так и один и тот же глагол в различных видо-временных формах.

Повтор одного и того же глагола функционирует часто как усилительный прием, актуализирующий обозначаемые глагольными компонентами ситуации, сопровождаемые соответствующими имплицированными или эксплицированными коннотациями. Об этом свидетельствуют примеры из текстов сонетов Гамзатова:

Я дур г1одила эбел, Или твоя мать **заплачет**,
Я дир г1одила эбел, Или моя мать **заплачет**. (Из поэмы о Хочбаре)

Императивные повторы в усилительной функции используются в текстах сонетов, элегий и в обычных поэтических текстах Р. Гамзатова о любви:

Йилълъа (имп.), *лъарал рахун,* *йилълъа г1ор къот1ун,*
Г1урччинал рохъазул расалъаби ч1ван.
Йилълъа, *къункърабазул къукъагун цольун,*
Къасдазул х1асратал куркъбалги рорхун.

Пойдем через речки, **пойдем** через реки,
Через долины зеленых лесов пройдем.

Пойдем, слившись с журавлиной стаей,
Подняв страстные крылья мечты. (Из сонетов)

Иногда глагольные повторы в форме констатива, обозначающего вневременные действия и состояния, употребляются для интерпретации вечности любви, жизни, ее морально-нравственных установок и ценностей. Такие повторы нередко встречаются в метафорической форме, придающей тексту философское осмысление образов:

Дунял буго гьаб борхатаб мали, Земля (мир) – это высокая лестница,
Вахуна, вахуна дун гьаб молоде. Поднимаюсь, поднимаюсь я по этой лестнице

(Из коротких стихов)

В целях актуализации причинно-следственных отношений вводятся, прежде всего, индикативные формы повторяющихся глаголов:

Умумул мекъи ккеч1о, Предки (наши) **не ошиблись**,
Гладамал мекъи ккеч1о: Люди **не ошиблись**:
Унеб буго гьаб г1умру, Продолжается жизнь,
Глолел руго гьал лымал. Растут наши дети. (Из элегий)

При реализации причинно-следственных отношений, актуализируемых соответствующими коннотациями, могут быть соединены семантически разные глаголы, обозначающие в причинно-следственной цепи последовательные действия, обозначенные формами аориста или футурума глаголов:

Дица бак1аб гьец1алъ гьелда къабг1ана: Я ломом железным **ударил** по нему
(по колоколу):

Къижарал рорч1ана, ч1варал рахъана. Спящие **проснулись**, убитые **встали**.
(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Частотны глагольные повторы в текстах лирических произведений, посвященных женщине и поэтически возвышающих женщину. Такие повторы, в частности, наблюдаются в экспрессивных вопросительно-утвердительных предложениях, имеющих характер риторических вопросов:

Лъиде Пушкиница шиг1раби хъварал? Кому Пушкин **посвящал** стихи?
Шамил сундуй г1оло, унго, вагъарав? Шамиль ради кого **сражался**?
Кин рогьел бац1унеб, мун йорч1ич1ого, Как может наступить утро,
Ихдалил нур г1адай, мун яч1инч1ого? Если ты **не проснулась**?
Подобная весеннему свету,
Если ты **не вернулась**?

(Из сонетов)

Повторы чаще всего встречаются в эмоционально насыщенных текстах, посвященных женщинам, цене дружбы, философской интерпретации жизненных морально-нравственных ценностей и т.д.

Усилительные функции глагольных повторов поддерживаются повторами синонимических структур, антонимическими (узуальными и контекстуальными) противопоставлениями, фразеологизированными выражениями. Особый эмоциональный накал глагольные повторы приобретают

в экспрессивных вопросительно-утвердительных предложениях риторического характера.

Лексико-морфологические и синтаксические символические языковые средства имеют национально-культурный и индивидуально-авторский характер. В текстовом воплощении типично использование той или иной языковой символики, в том числе фольклорной, диктуется тематикой поэтических текстов и коммуникативными намерениями автора.

Для языковой личности Р. Гамзатова характерны приемы сочетания этнонациональных символов с индивидуальными знаками, позволяющими ему ярко и образно репрезентировать эмоции и чувства. Примечательны и авторские символы, созданные на основе коннотативных значений слов, а также индивидуально маркированными являются образы, созданные с опорой на разные коды культуры.

Так, например, автор слово *туман* использует как символ тяжелого, мрачного настроения, *солнце* у него символизирует радость, веселье.

Как и в текстах русской поэзии часто используется языковая символика, соотносительная с растительным кодом культуры: *лавр* – символ славы, *кипарис* – символ смерти и скорби, *мирт* – символ любви и т.д. [Панькин, Филиппов 1978:34-35]. Языковые символы, соотносительные с растительным кодом культуры, находим и в текстах Р. Гамзатова (особенно в сравнениях). Например, частое применение в его текстах лирических стихотворений, посвященных женщинам, женской красоте, таких слов, как: *розаби* «розы», *тIугьдул* «цветы», *микьир* «персик». Женщина-жена у Р. Гамзатова ассоциируется с символическими словами *лекарство* (символ исцеляющей силы), *талисман* (символ оберегающей силы) [Магомедова 2014:118].

Для текстов, посвященных теме любви, воспеванию женщины, естественно, типична лексика фемининной символики. В таких поэтических текстах слова-символы (прежде всего – существительные) получают гендерную интерпретацию. Так, например, выражая свое отношение к женщине и её красоте, Р. Гамзатов включает существительные, оценочно характеризующиеся определенными компонентами: (мун – дир) *лъугли гьечлеб кечI, рокьул шиIру, тIокIкIараб ицц, тIадегIанаб цIва, лъалареб хIинчI* «(ты для меня) вечная (букв. «нескончаемая») песня, песня любви, чистый (прозрачный) родник, высокая звезда, дивная птица» и т.д.

Часть символических языковых средств в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова связана с актуализацией обрядов и обычаев аварцев. Так, в сонетах символическими языковыми средствами актуализируются свадебные обряды:

Гьеб махсара, гIадаг: гIолохъабаца, Это веселье, обряд: молодежь

БахIарай унелъул, къотIноб гIер ккола. Невесте шестом дорогу закрывают.

Индивидуально-авторским, символическим языковым образом является вербализация образа знамени (*байрахъ*) любви, всегда развевающегося (трепещущего) и разноцветного. У Р. Гамзатова есть государство любви (*рокьул хIукумат*) и знамя этого государства любви:

*Амма байрахъ ани гъаб рокыялъе, Знамя бы для этой любви,
Кибго парпадулеб, нусго кьер бугеб.* Везде трепещущее и стоцветное.

Особую смысловую значимость в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова приобретает языковая символика, связанная с репрезентацией отношения мужчины к женщине, которое оценивается как мерило его достоинства, мужской чести. В этом плане символами, актуализирующими благородство и честь мужчины становятся слова *яхI* «честь», *намус* «совесть», *лебаллы* «мужество, живость».

Общеизвестна числовая символика, характерная для разных национальных языковых картин мира. Такая языковая символика присутствует в поэтических текстах и Р. Гамзатова. Особенно символично числительное *лъабго* «три» как репрезентация некоего совершенства, целостности, совокупности ценностей жизни.

Числовая символика, характерная для текстов аварского устного народного творчества и аварской фразеологии, в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова получает авторское осмысление и образно-поэтическую интерпретацию, что способствует формированию языковых особенностей авторской языковой картины мира, индивидуально-авторскому использованию компонентов народно-поэтического стиля произведений.

Глава 3. Морфолого-синтаксические средства реконструкции языковой личности Расула Гамзатова в поэтическом дискурсе посвящена изучению языковой личности Р. Гамзатова на морфолого-синтаксическом уровне.

В проекции языковой личности Р. Гамзатова актуализируются морфологические и синтаксические ресурсы языка. Авторская индивидуальность проявляется в особом сочетании слов и конструкций, в предпочтении определенных форм, необходимых ему для создания текста, соответствующего его замыслу, настроению и намерению. Поэт владеет мастерски всем языковым ресурсом и выбирает отдельные грамматические формы, выстраивает синтаксические конструкции, которые можно назвать чисто «гамзатовскими».

В текстах эпиграмм Р. Гамзатова важную функциональную нагрузку выполняют утверждение и отрицание. Нередко отрицание имеет усилительную функцию, сопровождая утверждение и формируя противительно-уступительные смысловые отношения. Например,

<i>Гъанже гIенеккун йигго</i>	Теперь слушаю
<i>Васас хъварал кучIдузухъ,</i>	Написанные сыном стихи,
<i>Кинго лъазе кIоларо</i>	Никак не могу понять
<i>Гъесие бокъараб жо.</i>	Что он хочет (сказать).

(«Цо поэтасул хIакъальбуль гъесул эбелаль абун буго» –
«Об одном поэте его мать сказала»)

Имеют место случаи, когда отрицание функционирует как мотивационная база для утверждения. Однако явный иронический оттенок такой «обосновывающей» содержание отрицательной конструкции формируется в

результате «столкновения» ложной, мнимой причины и не имеющего логического обоснования результата.

Цо дуда рельъарав чи лъала дида, Знаю похожего на тебя человека,

ЛъагIа-лъагIалида лъудби хисулев. Каждый год менявшего жен.

Гилла гьикъарабго, гьес абулаан, Причину называл он спросившим,

Лъимер гъабуларин пуналалъилан. Что детей они **не рожали** – мол, дело в том.

(«ГIемерал темаби, жанрал хисулев поэтасде» – «Поэту, часто меняющему темы, жанры»)

Имеют место случаи, когда отрицание функционирует как мотивационная база для утверждения. Однако явный иронический оттенок такой «обосновывающей» содержание отрицательной конструкции формируется в результате «столкновения» ложной, мнимой причины и не имеющего логического обоснования результата.

Цо дуда рельъарав чи лъала дида, Знаю похожего на тебя человека,

ЛъагIа-лъагIалида лъудби хисулев. Каждый год менявшего жен.

Гилла гьикъарабго, гьес абулаан, Причину называл он спросившим,

Лъимер гъабуларин пуналалъилан. Что детей они **не рожали** – мол, дело в том.

(«ГIемерал темаби, жанрал хисулев поэтасде» – «Поэту, часто меняющему темы, жанры»)

Отрицание может быть употреблено и для усиления имплицитно (формально) не выраженного компаративного утверждения:

Дида дандечIвана цо хIикматаб тIегь, Я встретил удивительный цветок,

ТIегь гуро, тIубараб квацIи буго гьеб. Это **не цветок, а целый букет цветов.**

В утвердительных и отрицательных предложениях используются антонимические противопоставления с оттенком категоричности, поддерживаемые местоименной оппозицией *дун – мун* «я – ты». Актуализация причинно обосновываемого утверждения в текстах эпиграмм может быть достигнута употреблением запретительной формы императива. В таких текстах реализуются и усиливаются не только противительно-уступительные смысловые отношения, но и сопоставительные:

Дун бальгояб, бахчараб

Я тайное, скрытое

Бакъалда тIобитIулев,

На солнце **выставляю,**

Мун тIолго гьеб бакIарун,

Ты все это собираешь

КъвачIазул кIал бухъунев.

И в мешок завязываешь (**прячешь**).

Использование глагольных индикативных форм в прямых и переносных значениях способствует формированию гиперболизации с усилительной числовой символикой национально-культурного характера.

Повторы целевых (инфинитивных) форм глаголов создают *эффект молитвенности, мольбы* матери, обращенной к судьбам сыновей. В текстах любовной лирики в эмоционально-усилительной функции часто употребляются повторяющиеся формы императивов и футурума. В текстах, где автор как бы

мысленно общается с отцом и матерью, используются формы вопросительного наклонения глагола, способствующие формированию диалога. Например,

<i>Мун гIади́насухъ ди́ца</i>	За таких, как ты,
<i>АнцI-анцIгоял кьелаан,</i>	Десятерых отдал бы я.
<i>АнцIго мун гIади́насухъ</i>	За десятерых, подобных тебе,
<i>Дир нусгоял кьелаан.</i>	Сотню отдал бы я.

Употребление формы желательного наклонения, образованные от формы глагола будущего времени присоединением аффикса *-ан* (*кьела + ан* «отдал бы»). Значение желательности здесь усиливается использованием элемента имплицированной гиперболизации: *за такого* (очень смелого) *как ты, я бы десятерых отдал*.

При аористе и формах настоящего времени глагола включается числовая символика *азарго* «тысяча», характерная для аварской языковой картины мира и выполняющая усилительную функцию:

<i>Эбел, дуца азарго</i>	Мама, ты тысячу песен
<i>КечI ахIана васасе.</i>	Спела для сына.

Параллельные формы аориста и настоящего времени приводят в ряде примеров к выражению причинно-следственных отношений. При этом следствие изображается так, что читатель становится как бы участником происходящего.

Имеют место семантически мотивируемые (причинно обосновываемые) повторы констативных форм одного и того же глагола в эмоционально-усилительной функции. Такие структуры представляют интерес для экспрессивного синтаксиса.

Для текстов лирических стихотворений характерны императивные формы глаголов со значением повеления и запрета, обращенных к женщинам и жене поэта и соответственно имеющих гендерный характер. Усилительные повторы отрицательных форм императива способствуют реализации значения эмоционально-усилительного утверждения. В текстах надписей императивные формы связаны с персонификацией предметов окружающей действительности.

Императивные формы повелительного наклонения в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова особенно характерны для текстов такого жанра, как надписи (на кинжале, камине, дверях и т.д.): *Кьижэ, гьалмагъ, хеккого Хадув дунги вачIинин* «**Спи**, друг, скоро и я вслед приду» (надпись на надгробии); *Бокъанищ – жанив вачIа, БокъичIищ – кьватIиве а* «Если хочешь – **заходи**, если не хочешь – **выходи**» (надпись на дверях); *Рагье пикру бихъизе, Рагье гьунар бихъизе* «**Открой**, чтобы найти мудрости, **Открой**, чтобы услышать о подвигах» (надпись на книге) и т.д.

Особенность функционирования императива в текстах надписей может сопровождаться персонификацией предметов, когда неодушевленные предметы в роли человека дают мудрые жизненные советы: *Дир гьудул, дуца дие бокъараб хабар бице* «Мой друг, ты со мной на любую тему **поговори**» (надпись на надгробии); *ЛьикIав гьудул ватани, вачIа мун клутIичIого* «Если ты хороший друг, то **заходи** без стука» (надпись на дверях).

Характерной синтаксической особенностью поэтических текстов Р. Гамзатова является инверсия, связанная с коммуникативными намерениями поэта и имеющая конкретные семантико-стилистические последствия. Часто инверсия создается путем вынесения в начало предложения глагольных компонентов ремы или слов с объектным значением. Эмоционально-оценочный фон при инверсии поддерживается также фразеологизированными выражениями.

В аварском литературном языке, как и в ряде других дагестанских языков, обычной позицией предиката-сказуемого, выраженного глагольными или именными компонентами, является стилистически нейтральная конечная позиция. В поэтических текстах Р. Гамзатова такой порядок нередко нарушается в семантико-стилистических целях.

Другой синтаксической особенностью является употребление в собственно предикативной функции инфинитных форм глаголов (причастий и деепричастий), усиливающих авторские коннотации, что обычно свойственно текстам разных жанров аварского фольклора.

Для идиостиля Р. Гамзатова характерно использование бессоюзных синтаксических конструкций, где первые части представляют собой вопрос, отрицание или запрет, а вторые части носят причинно обосновывающий характер.

Имеет место двойное отрицание, применяемое как компонент экспрессивного синтаксиса и приводящее к усилению утверждения:

Paɣlabi dur ruklinçlo, Не было у тебя слов,
Maɣlna gьeçlel çonigi. Чтобы у них не было смысла.

Эмоционально-оценочный компонент формируется при контекстуальном использовании деепричастных форм в функции предиката односоставного обобщенно-личного предложения при повторяющихся императивах в предикативно-характеризующей роли. В таких синтаксических конструкциях семантически как деепричастные формы, так и императивы одинаково значимы при реализации коммуникативных намерений автора и обозначении его авторской оценочной позиции в текстах надписей, где императивы выполняют инструктивно-назидательную функцию.

Часто вводятся экспрессивные синтаксические конструкции с повторяющимися вопросительными словами, не предполагающими ответа, но значимые в коннотативном плане. Например, *киб* «где»? *кинан* «как, каким образом»? *циб* «что»? *киɣlan* «как, в какой степени»? *щай* «почему»? и т.д.

В редких случаях вопросительность в текстах Р. Гамзатова передается вопросительной интонацией без вопросительных слов типа *циб* «что»? *кинал* «какие»? без изменения лексико-грамматического состава предложений, что в принципе не характерно для аварского языка, но может быть объяснено как влияние русского языка.

Экспрессивность синтаксических конструкций создается употреблением междометий и усилительных слов междометного характера, контекстуально

выполняющих функции выражения чувств и эмоций автора в поэтическом дискурсе.

Значение форм повелительного наклонения глагола в текстах надписей может быть осложнено (усилено) значением пожелания, что приводит к формированию синкретичного значения. В таких случаях к собственно императивной форме глагола присоединяется формант *-ги*, выражающий в текстах таких жанров, как благопожелания, тосты, молитвенные тексты, значение пожелания (ср. *вас гъаве-ги* «пусть сын родится», *цлад бай-ги* «пусть пойдет дождь»). Пожелания в текстах надписей обращены к каждому и ко всем, что приводит к выражению всеобщего пожелания, напоминающего некую молитвенную просьбу с оценочно-пожелательной позиции автора.

Концептуальную значимость имеют юмор и ирония, особо свойственные поэтическим текстам Р. Гамзатова и характерные для текстов эпиграмм, формируемые с помощью эмоционально-оценочных ФЕ, метафор и сравнений, различных авторских адъективно-субстантивных сочетаний образно-оценочного характера. Применяются также семантически несовместимые сочетания; различные средства персонификации; вопросительно-утвердительные и вопросительно-отрицательные предложения, являющиеся составляющими экспрессивного синтаксиса.

Одним из средств выражения юмора в текстах Р. Гамзатова служит сравнение. Такие сравнения используются поэтом в поэтических текстах, посвященных жене Патимат. Так, например, брови жены поэт сравнивает с хитрыми лисицами.

Нередко юмор Р. Гамзатова переходит в злую иронию. В таких случаях автор, обращаясь к критикуемому лицу, вводит формы повелительного наклонения глаголов, как, например, *Послушай, друг мой, дельного мужчину*.

Иронически-комический оттенок создается тем, что глаголы и прилагательные, обычно сочетающиеся с обозначениями лиц, переносно используются в сочетании с неодушевленными существительными, что приводит к формированию приема персонификации: *багъа гымун толеб куц* «о, как улыбается цена», *багъа гьедарулеб куц* «о, как клянется цена», *багъа къацандулеб куц* «о, как спорит (торгуется) цена», *гьельул гьерсилаб релъи* «её (цены) лживый смех» и т.д. В таких примерах происходит расширение валентности слов, метафоризация и юмористическая персонификация.

Оценивая безнравственность современного мира, отсутствие моральных ценностей, где **все продается** (*бичуларебги гьечло*) и **покупается** (*босуларебги гьечло*), Р. Гамзатов понятия «честь», «достоинство» и «чувство преданности дружбе некоторых людей» метафорически и иронически отождествляет с намеренно повторяющимся словом *базар* (где тоже все продается и покупается).

В главе 4. **Концептосфера языковой личности Расула Гамзатова в поэтическом дискурсе** рассматриваются концептуальные доминанты языковой картины мира поэтического дискурса Р. Гамзатова, определяется

семантическое поле ключевых (базовых) в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова концептов.

Авторская картина мира Р. Гамзатова проецируется через ключевые концепты «Ват1ан» (Родина), «Гъансито» (родной очаг), «Г1умру», «Хвел» (жизнь, смерть), «Бихьинчи» (мужчина), «Рокьи» (любовь), «Ч1ужуг1адан» (женщина), «Гъари» (просьба-мольба), «Рагъ» (война). Совокупность данных концептов образует концептосферу языковой личности, коррелирующую с аварской языковой картиной мира, уточняющую специфические культурные смыслы и расширяющую семантические поля базовых концептов этнокультурного сознания.

Базовыми репрезентантами концепта «Ват1ан» (Родина) выступают два ядерных концепта: «к1удияб Ват1ан» (большая Родина) и «гъит1инаб Ват1ан» (малая Родина). «к1удияб Ват1ан» (большая Родина) в авторском понимании – это СССР, выдающиеся люди, сограждане, в числе которых особенно выделены известные российские поэты и писатели, которые занимают определенную нишу в гамзатовской системе ценностей. «Гъит1инаб Ват1ан» (малая Родина) – это Дагестан, представленная такими околядерными понятиями, как «мац1» (язык), «инсул т1алъи» (отцовская земля), «г1агараб росу» (родное село), «кьюраби» (скалы), «Каспий» (Каспий) / «ралъад» (море), «г1адамал» (люди), «бах1арзал» (защитники/ патриоты). Периферийными компонентами концепта выступают метафорические образы колокола, кинжала, орла, коня, птицы и др. В авторском понимании Родины актуализируются проблемы чести и достоинства Родины, ее защиты, свободы, патриотизма, любви к Отечеству.

Для вербализации значимости родного Дагестана автор употребляет лексические единицы с количественной семантикой, используя типичный для его поэтических текстов прием деактуализации отрицания для усиления утверждения (в данном случае значимости Дагестана). Например,

Гуро, гъит1инаб гъеч1о, гъудулзаби, Дагъистан,

Гъельул борхалъиялде раха гъедин абулел.

Нет, не маленький, друзья, Дагестан,

Пусть на его высоты поднимутся те, кто так говорит.

Р. Гамзатов применяет языковые средства, характеризующие отношение к Дагестану и являющиеся для поэта эмоционально-нравственными составляющими концепта «Ват1ан - Дагъистан» (Родина - Дагестан), которые участвуют в формировании его ядра: *ахал т1огъода руго* (цветущие сады), *т1огъал г1аздада руго* (покрытые снегом вершины гор), *г1ат1идаб Каспий* (широкий Каспий), *т1ок1к1арал иццал* (чистые/прозрачные родники), *бет1ер далич1о Дагъистаналь лъиего* (ни перед кем не склонил головы Дагестан), *машгьюраб би* (известная кровь), *къварараб рак1* (суровое сердце) и т.д.

Для актуализации выражения чувства отношения к Родине используются также компаративные структуры: например, автор сравнивает Дагестан с большой по территории Индией (при этом употребляет одинаковые модели

словообразования: Дагъистан – Индустан), со столицей Франции Париж (по красоте).

С концептом «Ват1ан» (Родина) пересекается другой **концепт «Гъансито» (родной очаг)** как символ вечной жизни, негаснущего огня и домашнего уюта. Для оценочной актуализации данного концепта используются императивы, специфические для аварского языка формы выражения молитвенных пожеланий, языковые символы огня, тепла и дыма (в очаге); метафоры, сравнения и экспрессивно-оценочные средства, утверждающие мысли о жизни, о цене мудрости, о возвращении к родному (отчужденному) дому.

В текстах надписей *ц1а* «огонь» символизирует тепло и уют родного дома, материальный достаток, продолжение и вечность жизни, в связи с чем употребляются соответствующие по значению слова и словосочетания, формирующие единое культурно-семантическое пространство: *ц1адул хинльи* «тепло огня», *гъанал хъаг гъалаги* «пусть с мясом кастрюля закипит», *кидаго г1умруяль* «всегда в жизни», *хвезег1ан* «до смерти», *ц1а бакизе* «зажечь/развести огонь», *ц1а камугеги* «пусть не погаснет (букв. «не исчезнет») огонь» и т.д.

В качестве одного из составляющих компонентов концепта «Гъансито» выступает слово *к1к1уй* (дым), символизирующее жизнь в доме. Среди аварских благопожеланий особой значимостью отличается выражение *Рокъоса к1к1уй т1аг1араб къо бихъугеги* (Пусть не исчезнет дым [домашнего очага] из дома). В текстах надписей Р. Гамзатова слово *к1к1уй* используется не в обобщенно-понятийном значении, а в конкретизированном значении «дым домашнего очага».

Огонь родного очага (*ц1а*) и сам очаг (*гъансито*) автор ассоциативно сравнивает с мыслями о жизни, о родине и родной земле, о людях. Такие надписи приобретают философское содержание, концептуальную значимость.

*Гъаниб ц1адухъ балагъун, Здесь, смотря на огонь,
Ц1ильула дир тикраби. Новые мысли у меня возникают.*

Авторские образы играют важную роль при концептуализации понятия *гъансито* «очаг» и соотносятся с разными кодами культур – с антропным (ср. *т1агъур* «папах», *чаг1и* «люди»), зооморфным (ср. *г1анк1ил х1ухъел г1адинаб*, *т1еренаб* «слабый, как дыхание зайца [дым]»), телесным (ср. *рак1* «сердце») и др.

Характерно также использование фразеологических единиц (=фразеологизированных выражений), связанных с человеком, с его эмоциональными и интеллектуальными состояниями: *рак1 паиманлъизе* «печалиться» (букв. «сердцу печалиться»), *рак1алде бач1ине* «вспоминать, появляться в мыслях» (букв. «в сердце прийти»), *рак1 бохизе* «радоваться» (букв. «сердцу веселиться») и т.д.

Определенную долю в формирование эмоционально-образной основы актуализируемого концепта «Гъансито» вносят и экспрессивные синтаксические конструкции (ср. *Рак1 бохулеб куц!* «Как радуется сердце!»), утвердительно-отрицательные конструкции сопоставительного характера, в

которых путем деактуализации отрицаемого, усиливается категоричность утверждаемого относительно символического концепта «Гъансито» (ср. *Гъанир рачлуна кучлдул*, *Кабинеталда гуро* «Здесь [у очага] приходят стихи, а не в кабинетах» – ср. противопоставление слов *гъанир* – *кабинетазда* «здесь [у домашнего очага] – в кабинетах», *рачлуна* «приходят» [утверждение] – [*кабинетазда*] *гуро* «не в кабинетах» [отрицание], повторы: ср. *Гъитлинал клодолъула*, *клюдиял гъитлинлъула* – букв. «Маленькие большими [мудрыми] становятся, большие маленькими становятся» и т.д.

Символика и философичность понятий, вербализуемых в текстах надписей на камине/очаге (*гъанситоялда хъвай-хъваг1аял*), достаточно очевидны и значимы с точки зрения их национально-культурной специфики как на денотативном, так и на коннотативном уровнях.

Концепты «Г1умру», «Хвел» (жизнь, смерть) у поэта образуют единое культурно-семантическое пространство. Смерть репрезентируется как хороший конец жизни для того, кто оставил свой след, совершал в молодости поступки, равные по значимости подвигам. Время, как вечное (*даимаб*) движение жизни, неумолимо течет и движется (используются лексические единицы *г1ор* «река» и *гъобо* «мельница»). Прожитые годы – это зерна, смолотые на мельнице. Жизнь и время у Гамзатова оцениваются компаративными структурами философского содержания. Для репрезентации концептов «Г1умру», «Хвел» используются различные языковые средства: языковые символы гендерного и национально-культурного характера, субстантивные и глагольные усилительные повторы, цепочки императивов с назидательными функциями, контекстуальные антонимические противопоставления, актуализирующие добро и зло в жизни, экспрессивно-оценочные фразеологизмы. Главное в жизни – это высокие морально-нравственные качества людей и их достойные поступки. Вечная и бесценная любовь – это полмира в жизни человека. Мысли поэта, обращенные к Вселенной, сопряжены с персонификацией звезд, неба как символов вечности жизни.

Для Р. Гамзатова характерно сравнение жизни с рекой (*г1ор г1адин* «как река»), соотносительное с природным кодом культуры.

Наблюдается ряд узуальных и контекстуальных антонимических противопоставлений, где деактуализация плохого, недостойного способствует актуализации добрых дел и достойных для настоящего мужчины поступков: *хъачагъ* «бандит» – *багъадур* «герой», *ч1ег1ерал гъудул* «черные вороны» – *гъудулзаби* «друзья», *квине* «быть съеденным» (черными воронами) – *вукъизе* «быть похороненным (друзьями).

Важным компонентом структуры концепта «Г1умру» (жизнь) является *реклель* «сердце», отражающееся во фразеологизированных выражениях типа *реклель вук1ине* «помнить» (букв. «в сердце быть»), *реклель ч1аголъизе* «оживать в сердце», *реклель хут1изе* «помнить» (букв. «в сердце оставаться»). Особенность таких выражений состоит в том, что свойства, связанные с

мыслительной деятельностью человека, приписываются сердцу – носителю эмоциональных состояний.

Концепты «Г1умру» (жизнь) и «Замана» (время) у Р. Гамзатова образуют одно смысловое пространство. Часто в его поэтических текстах слова *г1умру* «жизнь» и *замана* «время» выступают как синонимические концептуальные понятия, оцениваемые компаративно.

Быстротечность времени (*замана*), жизни (*г1умру*) подчеркивается употреблением названий транспортных средств (*самолет, поезд, корабль*), определительно характеризуемых соответствующим по смысловому назначению прилагательным *хехаб* «скорый».

При актуализации концепта «Бихьинчи» (мужчина) в качестве основных составляющих настоящего горца рассматриваются понятия *ял* «честь», *намус* «совесть», *ц1ар* «имя», *лебаллы*, *бах1арчилы* «решительность, смелость», *х1инкы гьеч1олы* «отсутствие страха», *кьвак1и* «стойкость, преданность слову и клятве, отношение к женщине и Родине», образующие внутренний морально-нравственный мир настоящего мужчины и составляющие его духовный и нравственный стержень. Такие качества мужчины актуализируются употреблением национально-культурных маскулинных языковых символов, метафор и сравнений, антонимических противопоставлений, проецирующих хорошее и плохое в человеке; слов различных семантических групп, соотносительных с разными кодами культуры и передающих эмоциональные и интеллектуальные составляющие образа настоящего горца.

Довольно часто краткие и полные формы адъективов (прилагательных и причастий) привлекаются для характеристики внутренних состояний мужчин и их различных качеств в предикативно характеризующей функции: *задумчив он был и не весел* («Горянка»), *суров подтянутый всадник* («Горянка»), *командир безусый опечален* («Защитим Москву»), *Взбешен был Осман не на шутку* («Горянка»), *Али был безумен в обиде* («Горянка») и др. Наиболее продуктивны слова с национально-культурными компонентами *папах* и *бурка*, ставшие языковыми символами (эти слова в текстах стихотворений и поэм нередко персонифицируются): *черная папах*, *большая папах*, *простреленная папах*, *папах взлетает*, *взбил папаху*, *горские папахи*; *черная бурка*, *постелил себе бурку*, *накинул на плечи бурку*, *лохматая бурка*, *косматая бурка*; *лучшие бурки дарили*, *и лучших коней*; *скакал под буркой андийской*, *будто бы расправив два крыла* и т.д.

Сравнения, соотносительные с разными кодами культуры (телесным, природным, зооморфным и предметным), содержат мужскую символику: *ц1а* «огонь» (символ проворства, решительности; ср. ФЕ *ц1а г1адиав* «решительный как огонь»), *букъараб зар* «зажатый кулак» (символ твердости, стойкости), *хвалчен* «кинжал» (символ мужества, готовности защищать достоинство, отстаивать мужскую честь), *ц1ум* «орел» (символ свободы, мужества).

Сравнения с зооморфным кодом культуры обычно содержат названия сильных, решительных, хищных животных, которым уподобляется мужчина по своим мужским качествам и поступкам:

Байбихъана цинги рагъ   Потом начались схватки,
ГьалбацIазул гIадиаб   Подобные драке **ЛЬВОВ**.

В поэтическом дискурсе Р. Гамзатова часто встречается гендерно маркированный символ *коня*, ассоциирующийся с доблестью горца:

Бихьинчиясул рекIель   У **мужчины** в сердце
БукIине ккола айгьир,   Должен быть **конь**.
ЧIужугIадан, дур рекIель   **Женщина**, в твоём сердце
БукIине ккола кини.   Должна быть **колыбель**.

В данном контексте сопоставляются два символа – мужской и женский: *айгьир* «конь и *кини* «колыбель» (женщина должна растить детей, а долг настоящего мужчины быть на коне и защищать родной дом, семью и родину). В качестве главных составляющих настоящего мужчины рассматриваются его честь, достоинство, цена мужского слова, значимость горских адатов, обычаев и традиций.

Национально-культурный компонент концепта «Бихьинчи» в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова создается и употреблением слов, не только обозначающих национально-культурные предметы, но и указывающих на национальность героя произведения или на его малую Родину: *хорошел аварец, заломил аварскую папаху, магIарул зурна* «аварская зурна», *магIарул гьеди* «аварская клятва».

Ключевым для картины мира Р. Гамзатова является **концепт «Рокьи» (любовь)**, который можно считать центрообразующим в концептосфере, поскольку авторское проецирование отличается особым эмоциональным проявлением чувства. В рамках данной ценности мировидение Гамзатова отличается от традиционного кавказского менталитета – эксплицированное выражение любви и привязанности является характерным признаком его поэтических текстов. Любовь проецируется как неизменное, константное явление, противопоставленное жизни, которая быстротечна, конечна. В поэтической картине мира «Рокьи» (любовь) репрезентирована следующими логемами: 1) *рокьи – гьветI* «любовь – дерево»; 2) *рокьи – кечI, маргьу, макьу, гьа, как* «любовь – песня, сказка, сон, клятва, молитва»; 3) *рокьи – хазина, бечельи* «любовь – сокровище, богатство»; 4) *рокьи – цIа, хинлги* «любовь – огонь, тепло»; 5) *рокьи – берцинлги, недегьлги* «любовь – красота, нежность»; 6) *рокьи – кIалгIа, рукь, шагьар* «любовь – дворец, дом, город».

Одним из продуктивных средств являются прилагательные-эпитеты (в прямом и переносном метафорическом значениях) и причастные обороты в определительно характеризующей функции:

панаяб рокьи «пленительная/безумная/страстная любовь», *сунареб рокьи* «не гаснущая любовь», *бухIараб рокьи* «горячая любовь»; *рокьи, ракъагун гьан бухIулерб* «кости и плоть сжигающая любовь», *панаяб рокьи* «безумная/страстная любовь» и др.

В отдельных поэтических текстах определительные конструкции (прилагательные и причастные обороты) сопровождаются усилительными образно-оценочными символическими метафорами, имеющими индивидуально-авторский характер: *гъайбатаб рокьул къо* «прекрасной любви мост», *гъашикъаб рокьи – гвангъараб моцл* «страстная любовь – сверкающая звезда», *гъишкъу – багъараб бакъ* «любовь – красное солнце», *гъишкъу – дарман* «любовь – лекарство», *гъайбатаб гъишкъул меглер* «прекрасной любви гора», *гучаб рокьялъул цлад* «мощной любви дождь», *гъишкъуялъул берцинаб бакъан* «любви красивая мелодия», *рокьи – реклель бакараб цла* «любовь – зажженная в сердце огонь» и т.д.

В поэтических текстах Гамзатова не только подчеркивается отсутствие границ любви (=любовь безгранична), но и употреблением глагола (или причастия) *цлезе (цлураб)* «наполнить/наполниться» («наполненный; полный») подчеркивается мысль о наполненности чувством любви всего жизненного пространства вокруг, всей территории жизни: *рокьул цлураб ракл* «полное любви сердце», *гъишкъул цлураб керен* «любви полная грудь», *ракъ цлураб рокьи* «наполнившая землю любовь», *рокьялъ керен цлуна* «любовь наполнила грудь» (=сердце) и т.д.

Для репрезентации концепта «Рокьи» Гамзатовым широко привлекаются метафоры, с помощью которых в образной форме оценивается значимость любви. Такие метафоры представляют для читателя эстетическую ценность. Речевая экспрессивность, художественная образность метафор создает национально-культурный оттенок символических образов концепта «Рокьи», многие из них представляют собой индивидуально-авторские образования в качестве фрагментов авторской языковой картины мира.

В таких метафорах даже обычные слова приобретают возвышенно-поэтический характер, оценивая силу и глубину любви, ее вечность и яркость (ср. символ *рокьи – пири* «любовь – молния»), миг счастья и муки любви.

Достаточно употребительна субстантивная метафора генитивно-номинативной модели. Ряд таких метафор включает в себе символические смыслы, имеет национально-культурный и индивидуально-авторский характер: ср. *рокьул улка* «страна любви», *рокьул гъоко* «колесница (букв. «арба») любви», *рокьул аэродром* «аэродром любви», *рокьул азбука* «азбука любви», *рокьул кор* «любви жаровня» [глиняная печь, на стенках которого выпекают хлеб], *рокьул имам* «имам любви» (о поэте-певце любви Махмуде из Кахаб-росо), *гъишкъул кооператив* «кооператив любви», *рокьул чу* «конь любви», *рокьул сариналъул бакъ* «солнце песен любви», *гъишкъул гъоко* «колесница любви», *рокьул мугъал* «зерна любви» и т.д.

В поэтических текстах Р. Гамзатова, актуализирующих концепт «Рокьи», представлены не только субстантивные, но и глагольные метафоры, выраженные финитными или инфинитными формами глагола: ср. *рокьуца мехтизе* «опьянеть от любви», *гъутлби, рокьул бицун, цурицудула* «деревья шепчут о любви», *лъукъараб ракл* «раненое сердце», *лъукъараб хлинчл* (=рокьи)

«раненая птица (=любовь), *рокъи басандула* (дир чорхоль) «любовь танцует (в моем теле)» и т.д.

В различных поэтических текстах, актуализирующих концепт «Рокъи», нами со всей очевидностью выявляется прием персонификации. Любви в диалогических формах поэтических текстов приписываются человеческие внешние и внутренние качества, чувства любви одушевляются.

Для метафор, символизирующих и актуализирующих любовь, характерно использование имен существительных в переносном значении в роли сказуемых-предикатов (в предикативно характеризующей роли). Метафорическая сущность существительных в таких случаях отчасти обусловлена такой специфической синтаксической позицией. На первый план при этом выступает элемент (компонент) эмоциональной оценки.

Метафоры-существительные в предикативно характеризующей роли дают возможность поэту в образно-оценочной форме выразить свое отношение к единственно важному в жизни в эмоциональном плане человеческому чувству любви. Особенно ярко такая оценка метафорой выражается, когда в роли субъекта (любви) используется местоименный компонент.

Такие местоименные компоненты служат для образной характеристики как развернутых, так и неразвернутых метафор: ср. *гъаб рокъиялъул тӀину* «этой любви дно [глубина]», *гъеб [рокъи] гвангъараб цӀва буго* «она [любовь] сверкающая звезда», *гъаб рокъул ругъун* «этой любви рана [муки]», *гъеб [рокъи] жибго прокурорги киналго гӀайибазе* «она [любовь] прокурор для всех обвинений» и др.

Употребление указательных местоименных компонентов при метафорах приводит к формированию конкретности, предметной образности.

Значительное место в поэтических текстах Гамзатова, актуализирующих концепт «Рокъи», занимает символика, в том числе привлекаются знаки аварского фольклора, элементы фольклорной обрядовости. Подобная символика носит в основном метафорический и индивидуально-авторский характер: *гӀишкъу – багӀараб бакъ* «любовь – красное солнце» [греет, сияет] *гӀишкъу – дарман* «любовь – лекарство [исцеляет], *гӀишкъу – мегӀер* «любовь – гора» [символизирует возвышенность чувства любви] и т.д.

Ключевые символы, воспевающие любовь и красоту, соотносятся с разными кодами культуры: а) зооморфным; б) растительным; в) антропным; г) телесным (=соматическим); д) религиозным; е) природным и т.д.

С концептом «Рокъи» тесно связан другой значимый для языковой личности Р. Гамзатова концепт «**ЧӀужугӀадан**» (**женщина**), рассматриваемый нами через характерную для его поэтического дискурса местоименную оппозицию «*мун – дун*» – «ты – я», дающую возможность автору оценивающе актуализировать красоту и достоинство женщины путем «деактуализации» (намеренного преуменьшения) собственной значимости.

Красивая женщина единственна и неповторима, поэтому ключевым становится репрезентация вины за то, что он не всё сделал, чтобы достойно воспеть её красоту и достоинство. Для выстраивания концептуальных

составляющих женщины автор использует сравнения идентифицирующего характера, что женщина – это утренняя песня, вечерняя сказка, ночной сон, праздник, клятва поэта и его молитва. Особый смысл приобретает важное в коннотативном плане сравнение двух миров – мира, где нет красоты женщины (мир без Неё), и мира, в котором она живет (мир с Ней).

В поэтических текстах, посвященных красивой женщине, автор использует метафоры, типичные для фольклорных текстов. При этом имплицитные сравнения носят идентифицирующий характер, отождествляющий женщину с самым дорогим и жизненно необходимым для человека: Женщина для поэта – *рогъалиль ах1улеб кеч1* «утренняя песня», *къаси бицунеб маргъу* «вечерняя сказка», *сардилъ бихъулеб макъу* «ночной сон», *дир гьедиги, дир какги* «моя клятва и моя молитва».

В цепочке сравнений выявляются символические экспрессивно-оценочные субстантивные метафоры: *кеч1* «песня», *маргъу* «сказка», *макъу* «сон», *гьеди* «клятва», *как* «молитва, намаз». Женщина для автора – это целый праздник, который волнует его, поэтому он ждет встречи с этим «праздником» (поэт при этом употребляет синонимические слова *праздник* и *байрам*).

В отдельных примерах мы имеем дело с авторской метафорой, когда красота женщины вербализуется не путем её сравнения со звездами, с красивыми горами, а мотивируется сиянием и красотой звезд, освященных красотой женщины и созданных Всевышним для женщины.

Автор приводит местоименную оппозицию *дун – мун* «я – ты», метафорически идентифицируя (сравнивая) женщину в форме именительного падежа субстантивов со звездами, с солнцем, с небесами. В текстах многих лирических стихотворений, сонетов и элегий оппозиция *дун – мун* «я – ты» используется для актуализации субстантивных метафор, имеющих национально-культурный и индивидуально-авторский характер. В этих целях, например, символически репрезентируются образы птицы (*хлинч1*), крыльев (*куркъби*), песни (*кеч1*), дерева (*гъвет1*), любви/страсти (*глишкъу*), меда (*гьоц1о* – символ сладкой любви)) и т.д.

Субстантивные метафоры вводятся и в тех случаях, когда поэт отождествляет себя с любимой женщиной как единое целое. В таких примерах представлены наполненные символическим содержанием слова *т1амур* «музыкальный инструмент», *к1уго ч1ва* «две струны» [музыкального инструмента – символ песни, музыки], *бакъан* «мелодия», *гьоко* «арба», *к1уго бер* «два колеса» (символы жизни).

В текстах Р. Гамзатова для создания образа женщины используются не столько прилагательные, сколько глаголы и причастия, выражающие отношение поэта к красоте, любви, его внутренние состояния, определяемые впечатлениями, связанными с красивой женщиной, ее внутренним миром.

При местоименной оппозиции *дун – мун* «я – ты» часто даются глаголы *дандч1вазе* «встретиться», *йихъизе* «увидеть». Такие глаголы выражают не столько действие, сколько внутреннее состояние поэта и его желание

встретиться с красивой женщиной, увидеть ее и забыть все остальное, потому что такая женщина единственна и все остальные не могут сравниться с нею.

Экспрессивность и оценочные значения синтаксических структур в анализируемых текстах создаются также различными повторами, цепочечным употреблением контекстуальных синонимов и инверсий: ср. *дир хирияй гьайбатай* «моя любимая, прекрасная»; *гьаб дир глайиб, дир глайиб* «это моя вина, моя вина»; часто в строфах повторяется *мун асклой гьечлеб мехаль* «когда тебя нет рядом»; *мун жибго хлинчги йиго, мун жибго кечлги йиго* «ты – сама птица, ты – сама песня»; *цлунила дица мун квачаялдаса* «сберегу я тебя от холода» (в начало стиха выносится главный в смысловом отношении компонент ремы») и т.д.

Р. Гамзатов использует оппозицию *мун – дун* «ты – я» в текстах сонетов, элегий и стихов, посвященных жене, не столько как элемент, транслирующий взаимоотношения между мужчиной и женщиной, сколько как ключевую концептуальную составляющую авторской картины мира. Гендерные взаимоотношения проецируют не эгоцентризм, не маскулинность поэтического мировидения, а восхищенное отношение к женщине, ее обожествление, представление образа горянки как ядерного компонента в системе ценностей (авторской и этнокультурной). Поэтому в поэтическом дискурсе оппозиция строится не как «я и ты», а как «ты и я».

Жизненной философией наполнен концепт «Гъари» (просьба-мольба). Это просьба, обращенная к жене, друзьям, Всевышнему (молитвенная просьба), к Вселенной, Матери (просьба-мольба), просьба ко всему человечеству от имени погибших на войне солдат беречь мир от войн. Для репрезентации такого многозначного концепта используются императивы с назидательными функциями, местоименные, субстантивные и глагольные повторы усилительного характера, экспрессивно-оценочные слова, средства экспрессивного синтаксиса (особенно в стихотворениях, посвященных жене, и в поэме «Песня о Матери»), приемы персонификации явлений природы и т.д.

Образ матери в языковой картине Р. Гамзатова – это особо значимая тема. Поэтому значение просьбы, мольбы эксплицируется в тексте поэмы «Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери» и становится одним из ключевых: молится, просит мать, чтобы дети были здоровы; просит мать сына беречь себя; просит отец сына беречь мать. Значение материнской просьбы-молитвы в тексте поэмы трансформируется в просьбу-молитву памятника девочке в городе Хиросима, где в годы войны произошла трагедия (происходит персонификация памятника, что приводит к усилению экспрессивно-эмоционального плана поэтического текста):

Гъай гъардолей йиго: гъаб атомалъул Она [памятник девочке] умоляет:

<i>Унтудаса дунял хвасар гъабейн.</i>	От атомной болезни чтоб мир уберегли.
<i>Хвалил бомбабазул загъруялдаса</i>	От яда смертельных бомб
<i>Замана сахлъулеб сабаб батейн.</i>	Чтоб для исцеления времени возможность нашли.

Включение значимых в коннотативном аспекте экспрессивно-оценочных слов и сочетаний, имеющих метафорический характер, и императивов делает текст эмоционально насыщенным, стилистически возвышенным и несколько торжественно-приподнятым: *гьудулъи – хазина* «дружба – сокровище», *панаяб реклел џла* «пленительный огонь сердца», *џлорозе тоге* «не дайте остыть» и т.д.

В тексте репрезентируется просьба автора дорожить друзьями, беречь друзей, обращается не только к людям, но и в метафорически-персонифицированной форме к дверям дома:

Нуџбузда дун гьардола, К дверям я с просьбой обращаюсь,
Гьудулзабаз рагьян. Чтобы их друзья открывали.

(Из коротких стихов)

Поэтический текст «Хьулбузул хлакьальуль» («О крепостях») имеет метафорический характер: умирающий отец, обращаясь к сыну [поэту], друзей метафорически называет крепостями (*хьулби*), просит их беречь и не дать разрушиться. Такая просьба носит характер завещания отца сыну:

<i>Абуна гьас [инсуца] џо нухаль:</i>	Сказал он [отец] однажды:
<i>џо гьари бугин, васин.</i>	Одна просьба , сын, к тебе
<i>Гьал дица рарал хьулби</i>	[Береги] построенные мною крепости
<i>Риххизе тогейшлан.</i>	И разрушиться им не дай.

Завещание своего отца автор эксплицирует просьбой беречь друзей молодому поколению: *Дица гьарулеб буго, нужеца гьел* [хьулби] *џлунейин, тладе џлиялги райин* «Я прошу вас беречь их [крепости] и построить новые». Поэт продолжает традиции куначества (ср. *гьоболлъияльул хьулби* «крепости куначества») и дружбы (ср. *гьудуллъияльул хьулби* «крепости дружбы») и как собственное завещание уже передает новому поколению, метафорически названному поэтом *гьал дир глोलел тланчлазда* «этим моим растущим птенцам».

Важным в денотативном и в коннотативном аспектах является **концепт «Рагъ» (война)**, занимающий особое место в концептосфере Гамзатова. Семантическое поле концепта представлено микроконцептами «кьварилъи» (печаль), «хварал солдатал» (павшие солдаты), «члеглераб клаз» (черный платок матери), «кьоглал маглаби» (горькие слезы), «члеглербай, тазият» (траур), «џлумур» (колокол), «рахлат хвараб зваргьи» (тревожный звон), «кьункьраби» (журавли). В репрезентации авторского понимания войны участвуют образы и символы, усиливающие воздействие на читателя и участвующие в адекватной проекции всех негативных эмоций, связанных с данным фактом, пережитым им непосредственно. В текстах используются также эмоционально-оценочные слова, эпитеты, метафоры и сравнения, экспрессивно передающие все смысловые составляющие данного концепта.

Эпитеты-прилагательные и сравнения, используемые в тексте для характеристики материнского платка (=шали), эксплицируют печаль и душевную тревогу: *нашманал берал* «печальные глаза», *нашманал клазал* «печальные платки», *маккалтъун парпалел клазал* «трепетные, как голуби, платки» (использована зооморфная символика голубя, связанная с религиозным

кодом культуры: считается, что сизый цвет голубя появился после того, как его погладил Пророк):

Самолетазул хъуй, гъоркъан улбуца Гул самолетов, и снизу матери,

Эхеде хъваг1улел паиманал к1азал. Глядя вверх, падут печальными платками.

Эмоционально-оценочная лексика и экспрессивные синтаксические конструкции используются при описании платков матерей, встречающих вернувшихся с войны сыновей и мужей:

Бергъенлъиги босун, руссунел ругел
сыновьям

Возвращающимся с победой

Васазде хъваг1ана улбуца к1азал.

Матери махали платками.

Гьел парпадулел куц, гьел кенч1олел куц, О, как они развевались, как сверкали,

Кремлялда т1ад байрахъ киниги.

Словно флаги над Кремлем.

Репрезентация матери поэта в тексте поэмы постепенно трансформируется в собирательную репрезентацию всех Матерей всей Земли:

Дида цее ч1ана т1охил раг1алда Передо мной предстала на краю крыши

Т1олго дунялалъухъ балагъун эбел. Провожающая мать **всей Земли.**

Актуализирован еще один культурно значимый символ войны, получивший у Р. Гамзатова авторскую интерпретацию и образно-оценочное осмысление, – это символика и соответствующие коннотации, связанные с колоколом (*ц1умур*).

В трансляции концепта участвуют эмоционально-усилительные конструкции, эксплицирующие внутреннее состояние поэта, стоящего у каменного памятника девочке, с белым журавлем в руках: *хваразул раг1адал* «тени убитых»; *буго рух1аразул х1урги рохъоги* «есть дым и зола сожженных» [ударом атомной бомбы]; *даим ч1араб саг1ат* «навсегда остановившиеся часы»; *ч1унтун биххараб шагъар Хиросима* «разрушенный полностью город Хиросима».

Для обозначения своих внутренних ощущений автор обращается к телесным кодам культуры: *ц1унц1рахунеб черх* «тело, охваченное дрожью», *къват1ун унеб керен* «готовое разорваться сердце».

Тема войны репрезентируется в тексте стихотворения «Лъабго ругъун» («Три раны»). Одной из своих сильных ран поэт называет японский город Хиросима. Слово *ругъун* «рана» здесь символизирует боль и страдания народа, у которого еще не зажили раны войны.

Символический образ белых журавлей повторяется в разных стихотворных текстах Р. Гамзатова.

Трансляторами концепта являются эмоционально-оценочные эпитеты-прилагательные, глаголы и наречия, усиливающие коннотативный компонент текста: *торжественные раскаты*; *звучит неутомимо (голос орудия)*; *подлая война*; *былая слава*; *воля злая*; *гневный человек*; *рыдали матери одиноко*; *праздничные даты* и т.д.

Всему миру известно стихотворение Р. Гамзатова «Къункъраби» («Журавли»), посвященное солдатам, не вернувшимся с войны и превратившимся в белых журавлей. В данном поэтическом тексте использованы лексические и лексико-синтаксические компоненты, связанные с темой Великой Отечественной войны: *рагъда камарал васал* «убитые на войне сыновья», *къанаби* «могилы», *хъах1ал къункъраби* «белые журавли», *пашманго бут1рулги къулун* «печально склонив головы», *хъах1илал зобал* «голубые небеса», *ч1варал гьудулзаби* «убитые друзья», *къункърабадул гьаркъал* «голоса журавлей» и др.

Для репрезентации вечности времени, вечности боли и трагедии войны, Р. Гамзатов берет формы множественного числа существительных *их* «весна» (*их-аз*), *хасел* (*хасел-аз*) «осень», *халатал сонал* (*сон-аз*) «долгие годы» в наречном (временном) значении.

Как свидетельствуют переводы, компоненты *хъах1илал зобал* «голубые небеса» и *хъах1ал къункъраби* «белые журавли», связанные с природным, зооморфным и религиозным кодами культуры, красной нитью проходит через текст всего стихотворения «Журавли». Синтез этих кодов культуры способствует усилению коннотативного компонента текста стихотворения.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей научной работы.

Отмечается, что в исследовании разработана комплексная модель анализа разноуровневых языковых средств, конституирующих ядро языковой личности Р. Гамзатова. Впервые в кавказоведении и аварском языкознании предложена концепция лингвоперсонологического анализа поэтической языковой личности этноспецифичного автора, проецирующего аксиологические и гносеологические представления своего народа в индивидуально-авторском преломлении. Исследование языковой личности Р. Гамзатова в аспекте лингвопрагматики продемонстрировало широкий диапазон языковых ресурсов аварского языка, его функциональные возможности в выражении и передаче разных смыслов и эмоций, структурную многоплановость уровней языка, их валентностные свойства, сложные синтагматические и парадигматические отношения.

Лингвокогнитивный, лингвокультурный и лингвопрагматический аспекты исследования языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе позволили доказать положение о том, что ментальная индивидуальность языковой личности Р. Гамзатова проявляется в особом подборе и комбинации лексем, устойчивых оборотов, синтаксических конструкций, совокупность которых определяет его уникальный идиостиль. Исследован многомерный языковой потенциал автора, его способность создавать индивидуальные неповторимые речевые конструкции, позволяющие резюмировать, что Р. Гамзатов является лингвокреативной языковой личностью, владеющей всеми формами национального языка и обладающий способностью непредсказуемой комбинаторики единиц с целью передачи определенного смысла.

Идиостиль Р. Гамзатова проявляется в уникальных паттернах использования языковых средств всех уровней (лексико-семантического, морфолого-синтаксического, стилистического), которые репрезентируют взаимодействие индивидуально-авторского мировидения с базовыми этнокультурными концептами аварской лингвокультуры.

Креативность языковой личности Р. Гамзатова прослеживается на разных уровнях и с различными интенциями, реализуемыми в определенных контекстах. Выявлены и описаны многочисленные авторские лингвокреативные конструкции.

Языковая личность Р. Гамзатова эксплицируется многоуровневыми языковыми единицами, репрезентирующими его индивидуально-авторскую картину мира. Богатство его языка, неисчерпаемое в своем потенциале, обеспечивается элитарностью автора в плане языковой компетенции, его креативностью, умением гармонично соединять литературные формы языка с элементами фольклорных текстов. Ментальное пространство личности поэта многослойное: оно сформировано под влиянием родного языка, культурных ценностей дагестанцев, текстов устного народного творчества, которые значимы в сознании не только автора-Гамзатова, но и читателей. Существенным фактором в формировании личности Р. Гамзатова можно считать влияние родителей, их воспитание не только в плане поведенческом, бытовом, нравственном, но и литературном, культурном. Выросший в семье известного поэта Гамзата Цадасы, он изначально впитал в себя культуру поэтического творчества, которую ему удалось довести до высочайшего общероссийского и мирового уровня. Его идиостиль узнаваем и близок всем, кто погружается в его тексты, приближается к творчеству.

Решение поставленных в диссертации задач открывает **дальнейшие перспективы исследования**, которые видятся в следующем: 1) в исследовании фонетических особенностей аварского языка, выявлении роли и функций аллитераций, ассонанса в поэтических и прозаических текстах Р. Гамзатова; 2) в сопоставительном исследовании индивидуально-авторской и национально-культурной языковой символики, определении их общих и специфических черт; 3) в исследовании языковой личности Р. Гамзатова на материале прозаических текстов и установлении тождества поэтической и прозаической языковой личности; 4) в составлении авторского словаря символов, а также словаря тропов Р. Гамзатова; 5) в расширении когнитивного аспекта изучения текстов Р. Гамзатова с целью детального описания концептуальной картины мира автора.

Основные результаты работы отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Омарова, З.С. Бессоюзные сравнения в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 4 (65). – С. 262-264.
2. Омарова, З.С. Местоименное противопоставление мун-дун «я-ты» как средство актуализации женщины в поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова, М.А. Гасанова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – №5 (66). – С. 344-346.
3. Омарова, З.С. Элементы гиперболизации в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Современный ученый. – 2017. – №6. – С. 137-143.
4. Омарова, З.С. Перевод поэтического текста с позиций цветофоносемантического восприятия / З.С. Омарова, Л.Р. Омарова // Современный ученый. – 2017. – № 5. – С. 173-177.
5. Омарова, З.С. О некоторых особенностях языка и стиля жанра надписей Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 4. – С. 158-168.
6. Омарова, З.С. Императивные формы глаголов в лирических поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 6. – С. 551-553.
7. Омарова, З.С. Индивидуально-авторские сравнения в поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2019. – № 3(242). – С. 43-48.
8. Омарова, З.С. Приглагольные сравнения в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования». – 2019. – №2 (75). – С. 372-374.
9. Омарова, З.С. Субстантивная метафора в элегиях и сонетах Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования». – 2019. – №1 (74). – С. 450-452.
10. Омарова, З.С. Языковая символика как средство актуализации концепта «Любовь» в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2019. – Вып. 4(247). – С. 75-81.
11. Омарова, З.С. Глагольная лексика в поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Modern Humanities Success. – 2021. – № 1. – С. 182-188.
12. Омарова, З.С. Лингвокультурологический анализ изобразительно-выразительных средств в эпиграммах Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 2(101). – С. 105-115.
13. Омарова, З.С. Сравнения и языковая символика в поэме Расула Гамзатова «Кумухский хан, хунзахский нуцал, гидатлинский Хочбар,

кумыкский шамхал и его сын» / З.С. Омарова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 37, вып. 1. – С. 95-102.

14. Омарова, З.С. Индикативные формы глаголов в поэзии Р. Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – №3 (106). – С. 534-538. **(К1)**.

15. Омарова, З.С. Средства актуализации концепта «война» в лирике Расула Гамзатова / З.С. Омарова, И.А. Дибиров // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2024. – № 4 (121). – С. 74-86. **(К2)**.

16. Омарова, З.С. Языковые средства, используемые для актуализации концепта «мужчина» в поэме Расула Гамзатова «Сказание о Хочбаре...» / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – №6 (109). – С. 623-625. **(К1)**.

17. Омарова, З.С. Особенности персонификации объектов неживого мира и отвлеченных понятий в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – №1 (110). – С. 413-415. **(К1)**.

18. Омарова З.С. Субстантивные повторы как образно-усилительные средства в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Современный ученый. – 2025. – № 10. – С. 199-204. **(К2)**.

Статьи в сборниках научных трудов и материалы конференций

19. Омарова, З.С. Компаративные структуры устойчивого характера в поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской конференции. – Махачкала, 2016. – С. 354-359.

20. Омарова, З.С. К вопросу о языковых средствах репрезентации концепта «мужчина» в поэзии Расула Гамзатова (на материале русских переводов) / З.С. Омарова // Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской конференции. – Махачкала, 2016. – С. 350-354.

21. Омарова, З.С. Средства создания юмора и иронии в поэзии Расула Гамзатова (на материале русских переводов поэтических произведений) / З.С. Омарова // Кавказский лингвистический журнал. – Махачкала: ДГПУ, 2016. – Вып. IX-XX. – С. 72-83.

22. Омарова, З.С. Функциональные особенности утверждения и отрицания в эпиграммах Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Актуальные проблемы изучения кавказских языков: материалы международной научно-практической конференции. – Махачкала: ДГУ, 2017. – С. 157-161.

23. Омарова, З.С. Языковые средства актуализации традиций и обычаев дагестанских народов в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Четвертые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти Магомедова Расула Магомедовича. – Махачкала, 2017. – С. 200-203.

24. Омарова, З.С. Присубстантивные сравнительные конструкции в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Родные языки: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Махачкала, 2017. – С. 36-40.

25. Омарова, З.С. Концепт «родной очаг» в поэзии Расула Гамзатова (на материале «надписей на камине») / З.С. Омарова // Вопросы русского и кавказского языкознания. – Махачкала, 2017. – Вып. VII. – С. 91-95.

26. Омарова, З.С. Языковые средства актуализации «жизни» и «смерти» в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вопросы русского и кавказского языкознания. – Махачкала, 2017. – Вып. VII. – С. 95-101.

27. Омарова, З.С. Сравнительные конструкции с уподобительным аффиксом *-лъун* в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова, М.Х. Гаджихмедова // Вопросы русского и кавказского языкознания. – Махачкала, 2017. – Вып. VII – С. 101-106.

28. Омарова, З.С. Концепт «родина» в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова, Дж.С. Самедов // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – Махачкала, 2018. – № 15. – С. 7-13.

29. Омарова, З.С. Гиперболизация как художественный прием в поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова, Р.Р. Эллиот // Родные языки: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Махачкала, 2018. – С. 36-39.

30. Омарова, З.С. Инверсивные синтаксические конструкции в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вопросы русского и кавказского языкознания. – Махачкала, 2018. – Вып. VIII. – С. 76-81.

31. Омарова, З.С. Некоторые синтаксические особенности поэтических произведений Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вопросы русского и кавказского языкознания. – Махачкала, 2018. – Вып. VIII. – С. 81-90.

32. Омарова, З.С. К вопросу об особенностях употребления эпитетов-прилагательных в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова, Д.М. Ярбилова // Вопросы русского и кавказского языкознания. – Махачкала, 2018. – Вып. VIII. – С. 90-94.

33. Омарова, З.С. Эпитеты-прилагательные в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – Махачкала, 2019. – Т. 34, вып. 1 – С. 48-56.

34. Омарова, З.С. К вопросу о языковых особенностях поэтических произведений Расула Гамзатова / З.С. Омарова, М.А. Гасанова // Языки и культуры народов России и мира: материалы международной научной конференции. – Махачкала, 2019. – С. 378-383.

35. Омарова, З.С. Некоторые языковые средства актуализации концепта «любовь» в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Актуальное состояние изучения родных языков и литератур народов Дагестана: материалы региональной научно-практической конференции. – Махачкала, 2019. – С. 46-49.

36. Омарова, З.С. Особенности функционирования глагольных повторов в поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Русско-кавказские литературно-языковые взаимосвязи в контексте современной культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: ДГУ, 2019. – С. 50-57.

37. Омарова, З.С. К вопросу о синтаксических особенностях поэтических произведений Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Наука и образование: состояние, проблемы, перспективы развития: материалы ежегодной научной сессии профессорско-преподавательского состава Дагестанского государственного педагогического университета. – Махачкала: ДГПУ, 2019. – С. 332-336.

38. Омарова, З.С. Языковые репрезентанты концепта *гъари*/ «просьба» в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Родные языки: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Махачкала, 2022. – С. 30-33.

39. Омарова, З.С. Психолингвистическое программирование вариантов поэтического текста (на материале поэмы Р. Гамзатова «Солдаты России») / З.С. Омарова, Л.Р. Омарова // Творчество Расула Гамзатова в поликультурном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию Расула Гамзатова. – Махачкала, 2023. – С. 140-146.

40. Омарова, З.С. Национально-культурный компонент концепта «мужчина» в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Дешериевские чтения – 2024: материалы международной научной конференции. – Грозный, 2024. – С. 175-181.